

Андрей Сапковский

ВЕДЬМАК

Башня Ласточки

Иллюстрации Дениса Гордеева

Анджей Сапковский
Ведьмак. Башня Ласточки
Серия «Сапковский с
иллюстрациями», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24617369

Ведьмак. Башня Ласточки / Анджей Сапковский: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-102651-6

Аннотация

Что-то кончается. Надвигается Tedd Deireadh, Час Конца... Это чувствуется в воздухе и в воде, в шелесте трав и в гуле ветров, в крови закатов и в ослепительных сполохах северного сияния на зубчатых остриях вершины величественной черной башни. Места, в которое ведет нелегкий путь пепельноволосую девочку на вороной кобылице – по залитому кровью друзей постоялому двору... по залитому кровью бойцов песку арены... по залитому кровью врагов льду озера Тарн Мира. Ведь дело не в том, что ты терпишь страдания. Дело в том, как ты их терпишь. И во имя чего. Лишь постигший эту истину сможет войти в Tog Zireael. Башню Ласточки.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	50
Глава третья	115
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Анджей Сапковский

Ведьмак. Башня Ласточки

Andrzej Sapkowski

Wieża Jaskółki

Печатается с разрешения автора и литературного агентства NOWA Publishers при содействии Агентства Александра Корженевского

Copyright © Andrzej Sapkowski, 1997

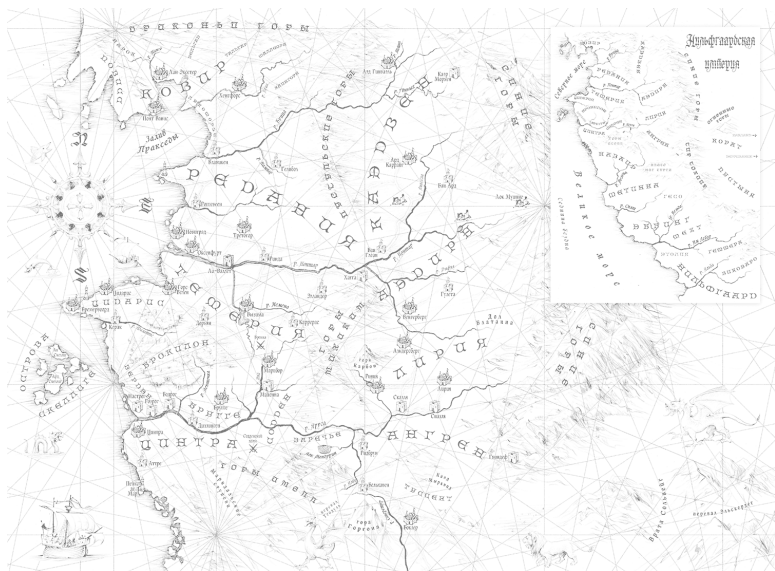
© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Ночью, как траур черной,
К Дун Дару они подкрались,
Где юна ведьмачка скрывалась.
Ночью, как траур черной,
Село они окружили,
Чтоб ведьмачка сбежать не сумела.
Ночью, как траур черной,
Врасплох млodu ведьмачку
Хотели взять – прогадали.
Не вошло еще солнце ясно,
А уж на дороге мерзлой*

*Песня нищих о жуткой резне, случившейся в Дун Даре
в ночь Саовины*

¹ Перевод Н. Эристави.

Глава первая

– Могу дать тебе все, что пожелаешь, – сказала волшебница. – Богатство, власть, скипетр и славу, жизнь долгую и счастливую. Выбирай.

– Не нужны мне ни богатство, ни слава, ни власть и ни скипетр, – ответствовала ведьмачка. – А хочу я, чтоб был у меня конь черный, как ночной вихрь быстрый. Хочу, чтоб был у меня меч блестящий и острый как луч луны. Хочу ночью черной носиться на коне моем черном по земле, хочу разить силы Зла и Тьмы моим блестящим мечом. Вот чего я желаю.

– Дам тебе коня, коий будет чернее ночи и быстрее вихря ночного, – обещала волшебница. – Дам тебе меч, что острее и ярче лунного луча будет. Но ты потребуешь многого, ведьмачка, значит, и заплатить придется немало.

– Чем? Ведь у меня же ничего нет.

– Кровью твою.

Флоуренс Деланной

Сказки и предания

Каждому ведомо: Вселенная, как и жизнь, движется по кругу. По кругу, на ободке которого помечены восемь волшебных точек, дающих полный оборот, или годичный цикл. Этими точками, попарно лежащими на ободке круга друг напротив друга, являются Имбаэлк, или Почкование; Ламмас, или Созревание; Беллетэйн, или Цветение, и Саовина,

или Замирание. Обозначены на том ободке также два Солтыция, или Солнцестояния: зимнее, именуемое Мидинваэрн, и Мидаете – летнее. Есть также два Эквинокция, или Равноночия, также Равноденствием именуемые: Бирке – весеннее и Велен – осеннее. Даты эти делят обруч на восемь частей – именно так в календаре эльфов делится год.

Высадившиеся на пляжах в устьях Яруги и Понтара люди привезли с собой собственный календарь, в основе которого лежит движение Луны. Календарь этот делит год на двенадцать лун, или месяцев, определяющих цикл годичной работы кмета, начиная с изготовления в январе кольев и до самого конца, до того часа, когда мороз скует землю, превратив ее в твердь. Но хоть люди и по-иному делили год и отсчитывали даты, тем не менее они не отринули эльфий круг и восемь точек на его ободке. Позаимствованные из эльфьего календаря Имбаэлк и Ламмас, Саовина и Беллетэйн, оба Солнцестояния и оба Равноночия стали и у людей важными праздниками, торжественными датами, кои выделялись меж других дат так же явно, как одиноко стоящее дерево выделяется посреди луга.

Ибо даты эти – магические.

Ни для кого не секрет, что во время этих восьми дней и ночей прямо-таки невероятно усиливается волшебная аура. Никого не удивишь магическими феноменами и загадочными явлениями, сопровождающими эти восемь дат, а в особенности же Эквинокции и Солтыции. К таким феноменам

все уже настолько привыкли, что они редко кого волнуют.

Однако в тот год все было иначе.

В тот год люди, как обычно, отметили осенний Эквинокий торжественным семейным ужином, на котором полагалось выставить как можно больше различных плодов, собранных в уходящем году, пусть даже и понемногу каждого. Так велел обычай. Откушав и поблагодарив богиню Мелитэ-ле за урожай, люди отправились отдыхать. И тут-то и начался кошмар.

К самой полуночи разразилась страшнейшая метель, по-дул убийственный ветер, в котором сквозь шум пригибаемых чуть не до земли деревьев, скрип стрех и хлопанье ставней слышался жуткий вой, крики и скулёж. Мчащиеся по небу тучи принимали самые фантастические формы, среди которых чаще всего повторялись мчащиеся в карьер кони и единороги. Почти целый час не утихал ураган, а в наступившей после него неожиданной тишине ночь ожила трелями и хлопаньем крыльев сотен козодоев, этих таинственных птиц, которые, если верить молве, собираются в стаи, чтобы распевать над умирающими отходную песнь. На сей раз хор козодоев был так могуч и громок, словно вот-вот предстояло погибнуть всему миру.

Козодои дикими голосами орали свой реквием, небосклон затянули тучи, погасившие остатки лунного света. Тогда занудила страшная беанн'ши, вестница чьей-то скорой и дурной смерти, а по черному небу пронесся Дикий Гон – табун

огненнооких, развевающих лохмотьями плащей и штандартов призраков на конских скелетах. Как и всегда, Дикий Гон собрал свой урожай, но уже много десятилетий он не был так ужасен, как в этом году: в одном только Новиграде насчитали двадцать с лишним человек, пропавших бесследно.

Когда Гон промчался и тучи развеялись, люди увидели луну – на ущербе, как всегда во время Эквинокция. В ту ночь у луны был цвет крови.

У простого народа для феномена Равноночия было множество объяснений, кстати, существенно различающихся в зависимости от специфики региональной демонологии. У астрологов, друидов и чародеев тоже были свои объяснения, но в большинстве случаев ошибочные и как бы придуманные «про запас». Мало, невероятно мало было людей, которые умели бы это явление связать с реальными фактами.

На Островах Скеллиге, например, некоторые суеверные люди видели в удивительных явлениях предвестие *Tedd Deireadh*, конца света, предваряемого битвой *Rag nar Roog*, последней битвой Света и Тьмы. Бурный шторм, который в ночь осеннего Эквинокция потряс остров, верящие в приметы островитяне сочли волной, создаваемой носом чудовищного, с бортами, выложенными ногтями трупов, драккара «Нагльфар» из Морхёгга, везущего армию призраков и демонов. Однако люди более просвещенные либо лучше информированные связывали безумство небес и моря с ужасной смертью злой чародейки Йеннифэр. Третьи – совсем уж

хорошо осведомленные – видели в бурлящем море знамение того, что в этот момент умирает кто-то, в чьих жилах течет кровь королей Скеллиге и Цинтры.

Над миром раскинулась ночь осеннего Эквинокция, ночь ужасов, кошмаров и привидений, ночь бурных, удушающих и жутких пробуждений на вздыбленных и влажных от пота простынях. Видения и пробуждения не обошли стороной и самые светлые головы: в Нильфгаарде, Городе Золотых Башен, с криком проснулся император Эмгыр вар Эмрейс. На севере, в Лан Эксетере, вскочил с ложа король Эстерад Тиссен, потревожив свою супругу, королеву Зулейку. В Третогоре сорвался с постели и схватился за кинжал архишпион Дийкстра, разбудив при этом супругу министра финансов. В огромном замке Монтекальво спорхнула с дамастовых простыней чародейка Филиппа Эйльхарт, не став, однако, будить супруги графа да Ноалье. Проснулись – более или менее резко – краснолюд Ярпен Зигрин в Махакаме, старый ведьмак Весемир в горной крепости Каэр Морхен, банковский клерк Фабио Сахс в городе Горс Велен, ярл Крах ан Крайт на борту драккара «Рингхорн». Проснулась чародейка Фрингиля Виго в замке Боклер, проснулась жрица Сигдрифа в храме богини Фрейи на острове Хиндарсфьялл. В осажденной крепости Марибор проснулся Даниель Эчеве-рри, граф Гаррамон. Зывик, десятник Бурой Хоругви, в форте Бен Глеан. Купец Доминик Бомбаст Хувенагель в городке Клармон. И многие, многие другие.

Однако мало было таких, кто сумел бы все эти явления и феномены связать с истинным, конкретным фактом. И с конкретной личностью. Так уж получилось, что трое из них провели ночь осеннего Эквинокция под одной крышей. В храме богини Мелитэле в Элландере.

– Козодой... – простонал писарь Ярре, вперившись во тьму, затянувшую храмовый парк. – Никак не меньше тысячи, целые тучи... Кричат о смерти... О ее смерти... Она умирает...

– Не болтай глупостей! – Трисс Меригольд резко отвернулась, занесла кулак: несколько мгновений казалось, что она вот-вот толкнет или ударит паренька в грудь. – Ты что, веришь в идиотские приметы? Конец сентября, козодои перед отлетом собираются в стаи. Вполне естественно!

– Она умирает...

– Никто не умирает! – крикнула чародейка, бледнея от бешенства. – Никто, понятно? Перестань нести дурь!

Библиотечный коридор заполняли адепки, разбуженные ночной тревогой. Лица их были серьезны и бледны.

– Ярре, – Трисс успокоилась, положила пареньку руку на плечо, сильно сжала, – ты – единственный мужчина в храме. Все мы смотрим на тебя, ищем в тебе опоры и помощи. Ты не смеешь впадать в панику, ты не смеешь бояться. Возьми себя в руки. Не разочаровывай нас.

Ярре глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в руках.

– Это не страх, – прошептал он, отводя взгляд от глаз чародейки. – Я не боюсь, я тревожусь! За нее. Я видел сон...

– Я тоже, – сжала губы Трисс. – Мы видели один и тот же сон. Ты, я и Нэннеке. Но об этом – молчок.

– Кровь у нее на лице... Столько крови...

– Я же просила – молчи. Идет Нэннеке.

Подошла верховная жрица. Лицо у нее было утомленное. На немой вопрос Трисс она ответила, отрицательно покачав головой. Заметив, что Ярре собирается что-то сказать, она опередила его:

– К сожалению, ничего. Когда Дикий Гон мчался над храмом, проснулись почти все, но ни у одной не было видений. Даже таких туманных, как наши. Иди спать, мальчик, тебе тут делать нечего. Девочки, по спальням!

Она обеими руками протерла лицо и глаза.

– Э-э-х! Эквинокций. Чертова ночь... Иди приляг, Трисс... Не в наших силах что-либо сделать.

– Беспомощность, – стиснула кулаки чародейка, – доводит меня до сумасшествия. При мысли, что она где-то там страдает, истекает кровью, что она в опасности... Дьявольщина! Знать бы, что делать.

Уже собравшаяся уходить верховная жрица храма Мелитэле повернулась:

– А молиться не пробовала?

На юге, в Эббинге, за горами Амелл, в районе под назва-

нием Переплют, на обширных трясилах, иссеченных реками Вельда, Лета и Арета, в восьмистах милях полета ворона по прямой от города Элландер и храма Мелитэле, приснившийся под утро кошмар разбудил старого отшельника Высоготу. Проснувшись, Высогота никак не мог вспомнить содержания сна, но необъяснимое волнение не дало ему больше уснуть.

– Холодно, холодно, холодно, бррр, – шептал про себя Высогота, пробираясь по тропинке среди камышей. – Холодно, холодно, бррр.

Очередная ловушка тоже была пуста. Ни одной ондатры. На редкость неудачный лов. Бормоча проклятия и шмыгая замерзшим носом, Высогота очистил ловушки от грязи и травы.

– Ох и холодно же, – бормотал он, направляясь к краю топи. – А ведь четыре дня только прошло с Эквинокция. Сентябрь. Да, таких холодов в конце сентября я за всю свою жизнь не припомню. А ведь живу уже достаточно долго!

Следующая, предпоследняя ловушка тоже была пуста. Высоготе даже ругаться расхотелось...

– Не иначе, – бормотал он, направляясь к последней ловушке, – с каждым годом все больше холодает. А теперь, похоже, эффект похолодания пойдет лавиной. Ну, эльфы предвидели это уже давным-давно, да кто верит в предсказания эльфов?

Над головой старика снова захлопали крылышки, пронеслись серые, невероятно быстрые тени. Туман над трясиной опять раззвонился дикими, урывчатыми трелями козодоев, заполнился быстрым хлопанием крыльев. Высогота не обращал внимания на птиц. Суеверным он не был, а козодоев на болотах всегда было множество, особенно на заре, когда они летали так плотно, что, казалось, вполне могли задеть за голову. Впрочем, не всегда их было так-то уж много, как сегодня, может, и не всегда они носились так неистово... ну что же, последнее время природа проделывала диковинные штучки, а диковинки гонялись за диковинками, да при этом каждая следующая диковинка была диковиннее предыдущей!

Он уже вытаскивал из воды последнюю – тоже пустую – ловушку, когда услышал ржание. Козодои как по команде разом умолкли.

На трясинах Переплюта были островки, сухие, выступающие из воды места, поросшие черной березой, ольхой, свидиной, кизилом и терновником. Большинство пригорков трясина обступала так плотно, что туда самостоятельно ни в коем разе не мог бы добраться конь либо не знающий тропинок наездник. И все же ржание – Высогота снова услышал его – шло именно со стороны такого островка.

Любопытство взяло верх над осторожностью.

Высогота слабо разбирался в лошадях и их породах, но он был эстетом, умевшим распознать и оценить красоту. А во-

роной конь с блестящей словно антрацит шерстью, которого он увидел на фоне березовых стволиков, был дивно красив. Он был прямо-таки квинтэссенцией красоты. Он был так дивно красив, что казался нереальным.

И тем не менее был вполне реальным. И вполне реально попал в ловушку, запутавшись вожжами и уздечкой в кроваво-черные ветки свидины. Когда Высогота подошел ближе, конь прижал уши, ударил ногой так, что почва задрожала, дернул красивой головой, повернулся. Теперь стало видно, что это кобыла. И кое-что еще. Нечто такое, от чего сердце старого Высоготы забилося, словно ошалевшее, а невидимые клещи стиснули горло.

За лошадью в неглубокой яме от вывороченного дерева лежал труп.

Высогота сбросил на землю мешок. И устыдился первой мысли: развернуться и бежать. Он подошел ближе, сохраняя осторожность, потому что вороная кобыла переступала на месте, прижимала уши, скалила зубы в мундштуке и, казалось, только и ждала случая укусить его или лягнуть.

Труп был трупом паренька чуть старше десяти-двенадцати лет. Он лежал ничком, одна рука прижата телом, другая впилась в землю пальцами и откинута в сторону. На парнишке была замшевая курточка, плотно облегающие кожаные штаны и эльфы мягкие сапожки на застежках.

Высогота наклонился, и тут труп громко застонал. Вороная кобыла протяжно заржала, хватанула копытами по зем-

ле.

Отшельник опустился на колени, осторожно повернул раненого. Невольно отдернул голову и свистнул. Чудовищная маска из грязи и запекшейся крови заменяла пареньку лицо. Он осторожно собрал мох, листья и песок с покрытого слизи и слюной рта, попытался оторвать от щеки сбившиеся в твердый колтун, слепленные кровью волосы. Раненый застонал, напрягся, и его стала бить дрожь. Высогота наконец отлепил ему волосы от лица.

– Девочка, – сказал он громко, не в силах поверить в увиденное. – Это девочка.

Если б в ту ночь кто-нибудь сумел тихо и незаметно подобраться к затерянной среди трясин хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б он заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в слабо освещенном сальными свечами помещении молоденькую девочку с плотно обмотанной тряпицами головой, лежащую в мертвой, почти трупной неподвижности на застланных шкурками нарах. Увидел бы он и старца с седой бородой клинышком и солидной, начинающейся от высокого, изборожденного морщинами лба лысиной, обрамленной длинными белыми волосами, падающими на плечи. Он заметил бы, как старец зажигает еще одну свечу, как ставит на стол песочные часы, как точит перо, как наклоняется над листом пергамента. Как задумывается и бормочет что-то себе под нос, не спуская глаз с лежащей

на нарах девочки.

Но такое было невозможно. Никто этого увидеть не мог. Домишко отшельника Высоготы был ловко упрятан на вечно покрытом мглой безлюдье, среди трясин, на которые никто не решился бы забрести.

– Запишем, – Высогота обмакнул перо в чернила, – нижеследующее: «Прошло три часа после процедуры. Диагноз: *vulnus incisivum*, рубленая рана, нанесенная с большой силой неизвестным острым предметом предположительно с искривленным острием. Рана охватывает левую часть лица, начинается ниже глазной впадины, пересекает щеку и доходит до приушно-челюстного участка. Наиболее глубокая, почти касающаяся надкостницы часть раны оказалась несколько ниже глазной впадины, на скуловой кости. Предполагаемое время, прошедшее с момента ранения до первой перевязки, – десять часов».

Перо заскрипело по пергаменту, но скрип этот продолжался лишь несколько секунд. И несколько строчек. Не все, что Высогота говорил себе, он считал нужным заносить на пергамент.

– Возвращаясь к перевязке раны, – продолжал спустя немного старик, уставившись на мигающий и коптящий огонек свечи, – запишем нижеследующее: «Я не срезал рваные края раны, а ограничился лишь тем, что убрал несколько не получающих крови лоскутков и, разумеется, запекшую-

ся кровь. Промыл рану вытяжкой из коры вербы, удалил загрязнения и посторонние тела. Наложил швы. Конопляные. Другим родом нитей, сие следует отметить особо, я не располагал. Использовал компресс из горной арники и наложил муслиновую повязку».

На середину избы выбежала мышь. Высогота кинул ей кусочек хлеба. Девочка на нарах вела себя беспокойно, стонала сквозь сон.

– Восьмой час после операции. Состояние больной без изменений. Состояние лекаря – стало быть, мое – улучшилось, поскольку я малость вздремнул... Можно продолжать записи. Ибо следует перенести на сии листы некоторые сведения о моей пациентке. Для потомков. Ежели какие-либо потомки доберутся до здешних трясин прежде, чем все тут пожухнет и превратится в пыль.

Высогота тяжело вздохнул, обмакнул перо и вытер его о краешек чернильницы.

– Что же касается пациентки, – забормотал он, – то да будет записано нижеследующее. Лет ей, похоже, около шестнадцати, высокая, строения на вид худощавого, но отнюдь не тощего, не вызванного долговременным голоданием. Упитанность и физическое строение типичны скорее для юной эльфки, однако никаких признаков того, что она метиска до квартеронки включительно, не отмечено... Как известно, низкий процент эльфьей крови может следов не оставить.

Высогота как бы только теперь вспомнил, что не нанес на листок ни одной руны, ни единого слова... Он поднес перо к пергаменту, но чернила уже высохли. Старика это нисколько не огорчило.

– Так и запишем, – продолжал он, – что девушка никогда не рожала, а также что на теле ее не обнаружены никакие застарелые знаки, шрамы, рубцы, следы, которые оставляют тяжелый труд, несчастные случаи, бурная жизнь. Подчеркиваю: речь идет о застарелых следах. Свежие следы на ее теле наличествуют в достатке. Девочку избивали. Хлестали, причем не отцовской рукой. Ногами, вероятно, пинали тоже.

Я обнаружил на ее теле весьма странный, я бы сказал, своеобразный знак... Хм... Запишем и это для блага науки... В паху, почти у самого срама, вытатуирована пунцовая роза.

Высогота сосредоточенно осмотрел очиненный конец пера, затем погрузил его в чернильницу. Однако на этот раз не забыл, с какой целью это сделал, – начал быстро покрывать листок ровными строками наклонного письма. Писал, пока чернила не высохли на пере.

– В полубреду она говорила и кричала. Однако акцент и характер произношения, если отбросить частые вкрапления непристойностей, взятых из жаргона преступников, не позволяют сказать что-либо с абсолютной уверенностью, но я рискнул бы утверждать, что ее родина скорее всего Север, нежели Юг. Отдельные слова...

Он снова поскрипел пером по пергаменту, правда, не очень долго, и даже очень недолго, чтобы успеть записать все только что сказанное. Затем продолжил монолог прямо с того места, где прервал его:

– Некоторые выражения, слова, имена и названия, произнесенные в бреду, следовало бы запомнить. И впоследствии изучить. Все указывает на то, что весьма – к тому же весьма – необычная особа нашла тропинку к хибаре старого Высоготы...

Он немного помолчал, прислушался.

– Только бы, – пробормотал он, – хибара старого Высоготы не оказалась завершением ее пути.

Высогота склонился над пергаментом и даже поднес к нему перо, но не написал ничего, ни единой руны. Бросил перо на стол. Несколько секунд сопел, раздраженно ворчал, сморкался. Поглядел на топчан, прислушался к исходящим оттуда звукам.

– Необходимо отметить и записать, – сказал он утомленно, – что все обстоит очень скверно. Мои старания и процедуры могут оказаться недостаточными, а усилия тщетными, ибо опасения были обоснованными. Рана заражена. Девочка вся в огне. Уже выступили три из четырех основных признаков резкого воспалительного процесса. *Rubor, calor* и *tumor*. В данный момент они легко обнаруживаются визуально и на ощупь. Когда пройдет постпроцедурный шок, проявится и

четвертый симптом – *dolor*².

Запишем: почти полстолетия минуло с того дня, как я занимался медицинской практикой. Чувствую, как годы иссушают мою память и снижают ловкость моих пальцев. Я уже мало что делать умею и еще меньше сделать могу. Вся надежда на защитные механизмы юного организма.

– Двенадцатый час после процедуры. Как и ожидалось, наступило четвертое кардинальное проявление признаков заражения: *dolor*. Больная кричит от боли, поднимается температура, усиливается фебра³. У меня нет ничего, никаких средств, которые можно было бы ей дать. Есть лишь небольшое количество датурового эликсира⁴, но девочка слишком слаба, чтобы выдержать его действие. Есть также немного борца, но борец ее наверняка убьет.

– Пятнадцатый час после процедуры. Рассвет. Больная без сознания. Температура резко возрастает. Фебра усиливается. Кроме того, наблюдаются сильные спазмы лицевых мышц. Если это столбняк – девочке конец. Вся надежда на то, что это просто сокращения лицевого либо тройничного нерва. Либо и того и другого... Тогда девочка будет обезоб-

² Rubor – краснота; calor – повышенная температура; tumor – припухлость; dolor – боль, страдания (*лат.*).

³ Дрожь.

⁴ От лат. *datura* – дурман.

ражена... Но жить будет...

Высогота глянул на пергамент, на котором не увидел ни одной руны, ни единого слова.

– При условии, – глухо пробормотал он, – что нет заражения.

– Двадцатый час после процедуры. Температура поднимается. *Rubor, calor, tumor* и *dolor* подходят, как мне кажется, к кризисной точке. Но у девочки нет шансов дотянуть хотя бы до этих границ. Так и запишу... Я, Высогота из Корво, не верю в существование богов. Но если они случайно все же существуют, то пусть возьмут под свое крыло эту девочку. И да простят мне то, что я сделал... Если то, что я сделал, окажется ошибкой.

Высогота отложил перо, потер припухшие и свербящие веки, прижал ладони к вискам.

– Я дал ей смесь датуры и аконита, – глухо сказал он. – В ближайшие часы должно решиться все...

Он не спал, а лишь дремал, когда из дремы его вырвали стук и удары, сопровождаемые стоном. Стоном скорее ярости, чем боли.

На дворе светало, сквозь щели в ставнях сочился слабый свет. Песок в часах пересыпался до конца, причем уже давно – Высогота, как всегда, забыл их перевернуть. Каганчик едва тлел, рубиновые угли в камине слабо освещали угол

комнатушки. Старик встал, отдернул сляпанную на скорую руку занавеску из покрывал, которой отгородил топчан от остальной части комнаты, чтобы обеспечить больной покой.

Девочка уже ухитрилась подняться с пола, на который только что скатилась, и теперь сидела, сгорбившись на краю постели, пытаясь почесать лицо, обмотанное перевязкой.

– Я же просил не вставать, – кашлянул Высогота. – Ты слишком слаба. Если чего-то хочешь, крикни. Я всегда рядом.

– А я вот как раз и не хочу, чтобы ты был рядом, – сказала она тихо, вполголоса, но вполне внятно. – Мне надо помочь.

Когда он вернулся, чтобы забрать ночной горшок, она лежала на топчане, ощупывая материю, прижатую к щеке лентами и охватывающую лоб и шею. Когда минуту спустя Высогота снова подошел к ней, она не пошевелилась, чтобы изменить позу, а лишь спросила, глядя в потолок:

– Четверо суток, говоришь?

– Пятеро. После нашего последнего разговора прошли еще сутки. Все это время ты спала. Это хорошо. Тебе сон необходим.

– Я чувствую себя лучше.

– Рад слышать. Снимем повязку. Я помогу тебе сесть. Возьми меня за руку.

Рана затягивалась хорошо и не мокла. На этот раз почти не пришлось с болью отрывать тряпицу от струпа. Девуш-

ка осторожно дотронулась до щеки. Поморщилась. Высогота знал, что причиной была не только боль. Всякий раз она заново убеждалась в размерах раны и понимала, сколь она серьезна. С ужасом убеждалась, что то, что раньше она чувствовала прикосновением, не было кошмаром, вызванным температурой.

– У тебя есть зеркало?

– Нет, – солгал он.

Она взглянула на него, пожалуй, впервые совершенно осознанно.

– Стало быть, все настолько плохо. – Она осторожно провела пальцами по швам.

– Рана очень обширная, – прогудел он, злясь на себя за то, что вынужден объяснять и извиняться перед девчонкой. – Опухоль на лице все еще не спадает. Через несколько дней я сниму швы, а пока буду прикладывать арнику и вытяжку из вербены. Не стану обматывать всю голову. Рана хорошо заживает. Поверь мне – хорошо.

Она не ответила. Пошевелила губами, подвигала челюстью, морщила и кривила лицо, проверяя, что рана делать позволяет, а чего нет.

– Я сварил бульон из голубя. Поешь?

– Поем. Только теперь попробую сама. Унизительно, когда тебя кормят будто парализичку.

Она ела долго. Деревянную ложку подносила ко рту осторожно и с таким трудом, словно та весила фунта два. Но

справилась без помощи Высогота, с интересом наблюдавшего за ней. Высогота был любознательным и сгорал от нетерпения, зная, что одновременно с выздоровлением девушки начнутся разговоры, которые могут прояснить загадку. Он знал – и не мог дождаться этой минуты. Он слишком долго жил в одиночестве, в отрыве от людей и мира.

Девушка кончила есть, откинулась на подушки. Некоторое время неподвижно глядела в потолок, потом слегка повернула голову. Невероятно большие зеленые глаза – в который раз отметил Высогота – придавали ее лицу невинно-детское выражение, в данный момент, однако, противоречащее жутко искаленной щеке. Высогота знал такой тип красоты – большеглазый вечный ребенок, лицо, вызывающее инстинктивную симпатию. Вечная девочка, даже когда двадцатый или тридцатый дни рождения давно останутся в прошлом. Да, конечно, Высогота прекрасно знал этот тип красоты. Такой была его вторая жена. Такой же была его дочь.

– Мне надо отсюда бежать, – неожиданно сказала девушка. – И как можно скорее. За мной гонятся. Ты же знаешь.

– Знаю, – подтвердил он. – Это были твои первые слова, которые вовсе не были бредом. Точнее – одни из первых. Потому что прежде всего ты спросила о своем коне и своем мече. Именно в такой последовательности. Когда я заверил тебя, что и конь, и меч под надежным присмотром, ты заподозрила меня в соучастии какому-то Бонарту и решила, что я не лечу тебя, а подвергаю пыткам надежды. Когда я не без

труда вывел тебя из заблуждения, ты назвалась Фалькой и поблагодарила меня за спасение.

– Это хорошо. – Она отвернулась, словно опасалась смотреть ему в глаза. – Хорошо, что не забыла поблагодарить. Все, что случилось, я помню как бы сквозь туман. Не знаю, что было явью, а что сном. И боялась, что не поблагодарила. Меня зовут не Фалька.

– Об этом я тоже узнал, хотя скорее всего случайно. Ты разговаривала в бреду.

– Я беглянка, – сказала она, не поворачиваясь. – Беглец. Укрывать меня опасно. Опасно знать, как меня в действительности зовут. Мне надо лезть в седло и выматываться, пока они не добрались сюда.

– Ты только что, – мягко сказал он, – с трудом села на горшок. Что-то я не представляю себе, как ты залезешь в седло. Но уверяю: здесь безопасно. Здесь тебя никто не отыщет.

– За мной наверняка гонятся. Идут по следу, перепахивают все кругом...

– Успокойся. Ежедневно идут дожди, следы найти невозможно. А ты на безлюдье, у отшельника. В доме пустынного, который отринул себя от мира или мир от себя так, чтобы миру тоже нелегко было бы его отыскать. Впрочем, если ты так хочешь, я могу найти способ передать весть о тебе твоим родным или друзьям.

– Ты даже не знаешь, кто я...

– Ты – раненая девушка, – прервал он. – Убегающая от

кого-то, кто не задумываясь ранит девушек. Хочешь, чтобы я кому-нибудь сообщил о тебе?

– Некому сообщать, – после краткого молчания ответила она. Высогота уловил, как изменился ее голос. – Мои друзья погибли. Все до единого.

Он промолчал.

– Я – смерть, – продолжала она странным голосом. – Каждый, кто сталкивается со мной, умирает.

– Не каждый, – возразил он, внимательно глядя на нее. – Не Бонарт, тот, чье имя ты выкрикивала в бреду, тот, от которого собираешься теперь убегать. Ваше столкновение навредило больше тебе, чем ему. Это он... ранил тебя в лицо?

– Нет. – Она сжала губы, чтобы приглушить то ли стон, то ли ругательство. – В лицо меня ранил Филин. Стефан Скеллен. А Бонарт... Бонарт ранил гораздо сильнее. Глубже. Что, я и об этом тоже говорила в бреду?

– Успокойся. Ты ослабла, тебе нельзя перевозбуждаться.

– Меня зовут Цири.

– Я сделаю тебе компресс из арники, Цири.

– Подожди... немножко. Дай мне зеркало.

– Я же сказал...

– Пожалуйста!

Высогота решил, что дальше оттягивать не стоит. Принес даже каганчик, чтобы она могла лучше рассмотреть, что сотворили с ее лицом.

– Ну да, – сказала она изменившимся, ломким голосом. –

Ну да. Так я и думала. Почти так, как я думала.

Он вышел, задернув за собой занавеску.

Она старалась всхлипывать совсем тихо, так, чтобы он не слышал. Очень старалась.

Через день Высогота снял половину швов. Цири ощупала щеку, пошипела как змея, жалуясь на сильную боль около уха и большую чувствительность шеи в районе челюсти. Однако встала, оделась и вышла во двор. Высогота не возражал и сопровождал ее. Помогать или поддерживать надобности не было. Она была здорова и гораздо сильнее, чем можно было предполагать.

Покачнулась лишь, когда выходила, и прислонилась к дверному косяку.

– Однако... – Она подавилась воздухом. – Ну и холодина! Мороз, верно? Уже зима? Сколько же времени я здесь провалялась? Сколько недель?

– Ровно шесть дней. Сегодня пятое октября. Но октябрь обещает быть очень холодным.

– Пятое октября? – Она поморщилась, ойкнула от боли. – Это как же так... Две недели?

– Что? Какие две недели?

– Не важно, – пожала она плечами. – Может, я что-то путаю... А может, и не путаю. Скажи, чем тут так жутко несет?

– Шкурами. Я ловлю ондатр, бобров, нутрий и выдр, выделяю шкуры. Ведь отшельникам тоже надо на что-то жить.

– Где моя коняга?

– В овчарне.

Вороная кобыла встретила пришедших громким ржанием, а коза Высоготы поддержала ее бляением, в котором прозвучало явное недовольство необходимостью делить обиталище с другим жильцом. Цири обхватила лошадь за шею, пошлепала, погладила по загривку. Кобыла фыркала и гребла копытом солому.

– Где мое седло? Упряжь? Чепрак?

– Здесь.

Он не возражал, не делал замечаний, не высказывал своего мнения. Просто молчал, опираясь на палку. Не пошевелился, когда она застонала, пытаясь поднять седло, не дрогнул, когда покачнулась под грузом и тяжело, с громким стоном хлопнулась на застеленный соломой глинобитный пол. Не подошел, не помог встать. Просто внимательно смотрел.

– Ну да, – проговорила она сквозь стиснутые зубы, отталивая кобылу, пытавшуюся сунуть ей нос за воротник. – Все ясно. Но я должна отсюда бежать, холера меня заberi! Попросту должна!

– Куда? – холодно спросил он.

Она пощупала лицо, продолжая сидеть на соломе рядом с упущенным седлом.

– Как можно дальше.

Он кивнул, словно ответ его удовлетворил, сделав все ясным и понятным и не оставив места домыслам. Цири с тру-

дом поднялась, даже не пытаясь наклониться за седлом и упряжью. Только проверила, есть ли у кобылы сено и овес в колоде, а потом принялась протирать спину и бока лошади пучком соломы. Высогота молча ждал и дождался. Девушка, побледнев как полотно, покачнулась, ее понесло на столб, поддерживавший крышу. Высогота молча подал ей палку.

– Со мной все в порядке. Прости...

– У тебя просто закружилась голова. Ты больна и слаба, как новорожденная. Возвращаемся. Тебе надо лечь.

После захода солнца, проспав несколько часов, Цири вышла снова. Высогота, возвращаясь от реки, натолкнулся на нее около живой изгороди из ежевичных кустов.

– Не отходи слишком далеко от дома, – сказал он резко. – Во-первых, ты очень ослабла...

– Я чувствую себя лучше.

– Во-вторых, это опасно. Вокруг обширная трясина, бесконечные камыши. Ты не знаешь тропок, можешь заблудиться или утонуть.

– А ты, – она указала на мешочек, который он тащил, – тропки, конечно, знаешь. И даже не очень далеко по ним ходишь, стало быть, болото не очень и велико. Дубишь шкуры, чтобы жить, понятно. У Кэльпи, моей кобылы, не переводится овес, а поля тут что-то не видать. Мы едим кур и каши. И хлеб. Настоящий хлеб, не лепешки, что на поду пекут. Хлеба ты от траппера не получишь. А значит, неподалеку есть

деревня.

– Железная логика, – спокойно согласился он. – И верно, провизию я получаю в ближнем селе. Самом ближнем, но вовсе не близком, лежащем на краю болота. Трясина прилегает к реке. Я обмениваю шкуры на пищу, которую мне привозят лодкой, на хлеб, крупу, муку, соль, сыр, иногда кролика или курицу. Порой привозят известия.

Вопроса он не дождался, поэтому продолжал:

– Орава конных за время погони дважды побывала в деревне. Первый раз предупредили, чтобы тебя не прятать, пригрозили мужикам огнем и мечом, если тебя в селе захватят. Второй – обещали награду. За то, что найдут труп. Твои преследователи убеждены, что ты валяешься мертвая в лесах, в каком-нибудь яре или лощине.

– И не успокоятся, – проворчала она, – пока не отыщут труп. Уж это я знаю хорошо. Им нужно доказательство, что я подохла. Без такого доказательства они не откажутся от поисков. Будут тыркаться всюду. В конце концов доберутся до тебя.

– Это им очень важно, – заметил Высогота. – Я бы даже сказал, невероятно важно...

Цири стиснула зубы.

– Не бойся. Я уеду прежде, чем они меня найдут. Тебя не подставляю... Не бойся.

– С чего ты взяла, что я боюсь? – пожал он плечами. – Что, у меня есть причина бояться? Сюда не пройдет никто,

никто тебя здесь не выследит. Но вот если ты высунешь нос из камышей, то точно попадешь своим преследователям в лапы.

– Иначе говоря, – гордо вскинула она голову, – я должна здесь остаться? Это ты хотел сказать?

– Ты не под арестом. Можешь уезжать, когда вздумаешь. Точнее – когда сумеешь. Но можешь остаться и переждать. Любые, даже самые горячие преследователи остывают. Рано или поздно. Всегда. Можешь поверить. Я в этом разбираюсь.

Ее зеленые глаза сверкнули, когда она взглянула на него.

– Впрочем, – быстро сказал он, пожимая плечами и уходя от ее взгляда, – поступай, как знаешь. Повторяю, я тебя не удерживаю.

– Однако сегодня, – вздохнула она, – я, пожалуй, не уеду. Слаба я еще. Да и солнце вот-вот зайдет... А я ведь тропок не знаю. Пошли-ка в хату. Озябла я что-то.

– Ты сказал, что я пролежала у тебя шесть суток. Это верно?

– А зачем мне врать?

– Не кипятись. Я стараюсь подсчитать дни... Я убежала... Меня ранили... в день Эквинокция. Двадцать третьего сентября. Если ты предпочитаешь считать по-эльфьему, то в последний день Ламмаса.

– Этого не может быть.

– А зачем мне врать? – крикнула она и застонала, схва-

тившись за лицо.

Высогота спокойно глядел на нее.

– Не знаю зачем, – холодно сказал он. – Но я когда-то был лекарем, Цири. Очень давно, но я все еще умею отличить рану, нанесенную десять часов назад, от раны, нанесенной четыре дня назад. Я нашел тебя двадцать седьмого сентября. Значит, ты была ранена двадцать шестого. На третий день Велена, если предпочитаешь считать по-эльфьему. Через три дня после Эквинокция.

– Меня ранили в самый Эквинокций.

– Это невозможно, Цири. Ты наверняка напутала даты.

– Наверняка нет. Это у тебя какой-то устаревший отшельничий календарь.

– Пусть так. А это так уж важно?

– Нет. Абсолютно нет.

Спустя три дня Высогота снял последние швы. У него были все основания быть довольным и гордиться своим делом – линия шва была ровная и чистая, опасаться отметин, оставленных грязью, было нечего. Однако удовольствие слегка подпортил вид Цири, в угрюмом молчании рассматривавшей шрам в зеркале, которое она поворачивала и так и этак и безуспешно пыталась прикрыть шрам волосами, зачесывая их на щеку. Шрам уродовал. Факт оставался фактом, и тут никакие парикмахерские ухищрения не помогали. Нечего было пытаться изображать дело так, будто все выглядит иначе.

Красный, толщиной с веревку, помеченный следами иглы и вмятинами от ниток шрам выглядел чудовищно. Конечно, краснота и следы иглы и ниток могли постепенно – к тому же довольно скоро – исчезнуть. Однако Высогота знал, что никаких шансов на то, что шрам исчезнет вообще и перестанет уродовать лицо, у Цири не было.

Девушка чувствовала себя значительно лучше, но, к удивлению и удовольствию Высоготы, почему-то вообще больше не заговаривала об отъезде. Выводила из овчарни вороную Кэльпи – Высогота знал, что у нордлингов словом «кэльпи» обозначают морщинца, грозное морское существо, которое, если верить молве, способно принимать облик красивейшего жеребца, дельфина и даже очаровательной женщины, хотя обычно напоминает спутанный клубок трав. Цири седлала кобылу и несколько раз объезжала дворик вокруг хаты. Затем Кэльпи возвращалась в овчарню составить общество козе, а Цири направлялась в хату, дабы составить общество Высоготе. Даже – скорее всего от скуки – помогала ему заниматься шкурами. Когда он сортировал нутрий по размерам и оттенкам, она разделявала шкурки ондатр вдоль спинки и брюшка, пользуясь при этом введенной внутрь шкурки дощечкой. Пальцы у нее были невероятно ловкие.

Именно во время этого занятия и возник у них достаточно странный разговор.

– Ты не знаешь, кто я. Ты даже не догадываешься, кто я

такая.

Цири несколько раз повторила свое утверждение и этим вызвала у него легкое раздражение. Конечно, по его виду она об этом догадаться не могла. Выдай он свои чувства перед такой соплячкой, это оскорбило бы его. Нет, такого он допустить не мог, но не мог не выдать и разбивавшего его любопытства.

Любопытства в общем-то безосновательного, потому что в принципе он вполне мог бы догадаться, кто она такая. Во времена юности Высоготы молодежные банды тоже не были редкостью. Прошедшие годы не могли приглушить магнетической силы, привлекавшей в такие шайки молокососов, алчущих приключений и сильных ощущений. Очень часто им же самим на погибель. О малолетках, похваляющихся шрамами на лицах, можно было сказать, что им крупно повезло, ибо тех, кому повезло меньше, ждали пытки, шибеница, крюк или кол.

Да, со времен Высоготовой юности изменилось только одно: эмансипация прогрессировала. В банды тянулись не только подростки, но и сбрендившие девчонки, предпочитавшие коня, меч и приключения спицам, кудели и ожиданию сватов.

Конечно, Высогота не сказал ей всего этого напрямик. А поведал уклончиво. Но так, дабы она поняла, что он это знает. Дабы ей стало ясно, что если кто-то здесь и является загадкой, то, уж конечно, не она – чудом избежавшая облавы

малолетняя разбойница из банды таких же малолетних паршивцев. Изувеченная соплячка, пытающаяся окружить себя ореолом таинственности...

– Ты не знаешь, кто я. Но не бойся. Я скоро уеду. Не стану подвергать тебя опасности.

Высогота не выдержал.

– Не грозит мне никакая опасность, – сказал он сухо. – Да и что вообще может грозить? Даже если преследователи явятся сюда, в чем я весьма сомневаюсь, что плохого могут они мне сделать? Конечно, оказание помощи беглым преступникам наказуемо, но это не касается отшельников, поскольку отшельник не знаком со светскими установлениями. Я вправе принимать любого, попавшего в мою обитель. Ты верно сказала: я не знаю, кто ты такая. Откуда мне, отшельнику, знать, кто ты, что натворила и за что тебя преследует закон? Да и какой закон? Ведь я даже не знаю, чьи законы действуют в здешних краях, под чьей и какой юрисдикцией они находятся. И меня это не интересует. Я – отшельник.

Он немного перебрал с этим отшельничеством. И сам чувствовал это. Но не отказался – ее яростные зеленые глаза кололи его словно шпоры.

– Я – убогий пустынный. Умерший для мира и дел его. Я – человек простой и необразованный, мировых проблем не знающий...

Вот тут-то он явно переборщил.

– Как же! – взвизгнула она, отбрасывая шкурку и нож на

пол. – Дурочкой меня считаешь, да? Нет, я не дурочка, и не думай. Пустынник убогий! Когда тебя не было, я тут кое-что высмотрела. Заглянула туда, в угол, за не очень чистые занавески. Откуда, интересно знать, на полках взялись ученые книги, скажи, ты, человек простой и необразованный?

Высогота бросил шкурку нутрии на кучку.

– Когда-то здесь жил сборщик налогов, – сказал он небрежно. – Это кадастры и бухгалтерские книги.

– Брешешь, – поморщилась Цири, массируя шрам. – Ведь прям в глаза врешь!

Он не ответил, прикинувшись, будто оценивает оттенок очередной шкурки.

– Может, думаешь, – снова заговорила девушка, – что если у тебя седая борода, морщины во весь лоб и сто лет за плечами, так ты можешь запросто объегорить такую наивную молодку, как я, а? Ну, так я тебе скажу: первую попавшуюся, может, и обведешь вокруг пальца. Но я-то не первая попавшаяся.

Он высоко поднял брови в немом провокационном вопросе. Она не заставила себя долго ждать.

– Я, дорогой мой отшельничек, училась в таких местах, где было множество книг. В том числе и таких, что на твоих полках стоят. Многие из их названий мне знакомы.

Высогота еще выше поднял брови. Она глядела ему прямо в глаза.

– Странные речи, – процедила она, – ведет зачуханная

замарашка, замызганная сиротинушка, а может, и вообще грабительница или бандитка, найденная в кустах с раздолбанной мордой. Однако неплохо бы тебе знать, милсдарь отшельник, что я читала Родерика де Новембра, просматривала, и не раз, труд под названием «Materia medica». Знаю «Herbarius», точно такой, как на твоей полке. Знаю также, что означает на корешках книг горностаевый крест на красном щите. Это знак, что книгу издала оксенфуртская академия.

Она замолчала, продолжая внимательно наблюдать за Высоготой. Тот молчал, стараясь, чтобы его лицо ничего не выдавало.

– Поэтому я думаю, – сказала она, тряхнув головой свойственным ей гордым и немного резким движением, – что ты вовсе не простачок и не отшельник. И отнюдь не умер для мира, а сбежал от него. И скрываешься здесь, на безлюдье, укрывшись видимостью и... бескрайними камышами.

– Если все обстоит так, как ты говоришь, – улыбнулся Высогота, – то действительно преудивительно переплелись наши судьбы, начитанная ты моя девочка. Но ведь и ты тоже здесь скрываешься. Ведь и ты, Цири, умело укутываешь себя вуалью видимостей. Однако я человек старый, полный подозрений и прогоркшего старческого недоверия...

– Ко мне?

– К миру, Цири. К миру, в котором жульническая явь натягивает на себя маску истины, чтобы объегорить иную ис-

тину, кстати говоря, тоже фальшивую и тоже пытающуюся жульничать. К миру, в котором герб оксенфуртской академии малюют на дверях борделей. К миру, в котором раненые разбойницы выдают себя за бывалых, ученых, а может, и благородных мазелей, интеллектуалок и эрудиток, цитирующих Родерика де Новембра и знакомых с гербом академии. Вопреки всякой видимости. Вопреки тому, что сами-то носят со-о-овсем другой знак. Бандитский татуаж. Пунцовую розу, наколотую в паху.

– Верно, ты прав. – Она прикусила губу, а лицо покрылось таким густым румянцем, что розовая до того полоса шрама показалась черной. – Ты прогоркший старик. И въедливый дед.

– На моей полке, за занавеской, – указал он движением головы, – стоит «Aen N’og Mab Taedh’morc», сборник эльфийских сказок и рифмованных предсказаний. Есть там весьма подходящая к нашей ситуации и беседе историйка об уважаемом вороне и юной ласточке. А поскольку, Цири, я, как и ты, – эрудит, постольку я позволю себе привести соответствующую цитату. Ворон, как ты, несомненно, помнишь, обвиняет ласточку в легкомысленности и недостойной непоседливости.

Hen Cerbin dic’ss aen n’og Zireael
Aark, aark, caelm foile, te veloe, ell?
Zireael...

Он замолчал, поставил локти на стол, а подбородок положил на сплетенные пальцы. Цири тряхнула головой, выпрямилась, вызывающе глянула на него и закончила:

...Zireael veloe que'ss aen en'ssan irch
Mab og, Hen Cerbin, vean ni, quirk, quirk!

– Прогоркший и недоверчивый старик, – проговорил после недолгого молчания Высогота, не меняя позы, – приносит извинения юной эрудитке. Седой ворон, которому всюду мнятся предательство и обман, просит ласточку, единственная вина которой в том, что она молода, полна жизни и привлекательна, простить его.

– А вот теперь ты несешь напраслину! – воскликнула Цири, инстинктивно прикрывая шрам на лице. – Такие комплименты можешь держать при себе. Они не исправят кривых швов, которыми ты заметал мне кожу. И не думай, что такими фокусами ты добьешься моего доверия. Я по-прежнему не знаю, кто ты таков. Почему обманул меня относительно дней и дат. И с какой целью заглядывал мне меж ног, хотя ранена я была в лицо. И одним ли только заглядыванием все кончилось.

На этот раз ей удалось вывести его из равновесия.

– Да что ты вообразила, соплячка?! – крикнул он. – Да я тебе в отцы гожусь!

– В деда, – холодно поправила она. – В деда, а то и в

прадеды. Но ты мне и не дед, и не прадед. И вообще я не знаю, кто ты таков. Только наверняка уж не тот, за кого себя выдаешь. Или хочешь, чтобы тебя за него принимали.

– Я – тот, кто нашел тебя на болоте, почти вмерзшей в мох, с черной коркой крови и тины вместо лица, без сознания, запаскудевшую и грязную. Я тот, кто взял тебя к себе в дом, даже не зная, кто ты такая, а предполагать имел право самое худшее. Кто перевязал тебя и уложил в постель. Лечил, когда ты умирала от лихоманки. Ухаживал. Мыл. Всю. В районе татуировки тоже.

Она снова покраснела, но в глазах по-прежнему стоял наглый вызов.

– На этом свете, – проворчала она, – жульническая явь частенько прикидывается истиной, ты сам так сказал. Я тоже, представь себе, немного знаю свет. Ты спас меня, перевязал, ухаживал. За это тебя благодарю. Я благодарна тебе за... доброту. Но ведь я знаю, что не бывает доброты без...

– Без расчета и надежды на выгоду, – закончил он с улыбкой. – Да-да, конечно. Я человек бывалый, возможно, даже знаю мир не хуже тебя, Цири. Раненых девочек, как известно, обдирают со всего, что имеет хоть какую-то ценность. Если они без сознания или слишком слабы, чтобы защищаться, то обычно дают волю своим похотям и страстям, порой прибегая к развратным и противным натуре приемам. Верно?

– Внешность очень часто бывает обманчива, – ответила Цири, в очередной раз заливаясь румянцем.

– Ах, какое верное утверждение. – Старик бросил очередную шкурку на соответствующую кучку. – И так же верно ведущее нас к заключению, что мы, Цири, ничего не знаем друг о друге. Перед нами лишь внешность, а ведь она бывает так обманчива.

Он переждал немного, но Цири не спешила отвечать.

– Хотя нам обоим и удалось проделать нечто вроде неглубокой разведки, мы по-прежнему ничего друг о друге не знаем. Я не знаю, кто такая ты, ты не знаешь, кто такой я...

На этот раз он молчал не случайно. Она глядела на него, а в ее глазах затаился вопрос, которого он и ожидал. Что-то странное сверкнуло в них, когда она заговорила:

– Кто начнет первым?

Если б в сумерки кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся и обомшелой стрехой, если б заглянул внутрь, то при

свете каганка и тлеющих в камине углей увидел бы седобородого старика, склонившегося над кипой шкур. Увидел бы пепельноволосую девушку с безобразным шрамом на щеке, совершенно не сочетающимся с огромными, как у ребенка, зелеными глазами.

Но увидеть этого не мог никто. Хата стояла в камышах, на трясине, на которую никто не отваживался ступить.

– Меня зовут Высогота из Корво. Я был лекарем. Хирургом и алхимиком. Был исследователем, историком, философом, этиком. Я был профессором оксенфуртской академии. Мне пришлось отсюда бежать после опубликования некоего труда, который сочли безбожным, за что тогда, пятьдесят лет назад, грозила смертная казнь. Мне пришлось эмигрировать. Жена последовать за мной не пожелала и бросила меня. Остановился я лишь далеко на юге, в Нильфгаардской империи. Стал преподавать этику в Императорской академии в Кастель Граупиане и проработал там почти десять лет. Однако и оттуда вынужден был бежать после того, как опубликовал некий трактат... Между прочим, труд этот рассматривал проблему тоталитарной власти и преступного характера завоевательных войн, но официально произведение и меня обвинили в метафизическом мистицизме и клерикальной схизме. Сочли, что я действовал по наущению экспансивных и ревизионистских жреческих групп, реально правивших королевствами нордлингов. Довольно забавно в свете смертно-

го приговора, вынесенного мне за атеизм двадцатью годами раньше. Впрочем, к тому времени экспансивные жрецы на Севере уже давно были забыты. Но в Нильфгаарде этого не учитывали. Брачные узы мистицизма и суеверия с политической преследовались и сурово наказывались.

Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что, если б покорился и раскаялся, может, сфабрикованное против меня дело и развалилось бы, а император ограничился б немилостью и не стал применять драконовы меры. Но я был зол, раздражен и убежден в своих истинах, которые считал вневременными, стоящими выше той или иной власти либо политики. Я почитал себя обиженным, причем обиженным несправедливо. Тиранически. Поэтому установил плотные контакты с диссидентами, тайно порицающими тирана. Не успел я оглянуться, как уже сидел вместе с диссидентами в узилище, а некоторые из «сокамерников», стоило им увидеть инструменты допросов, тут же указали на меня как на главного идеолога движения.

Император воспользовался своим правом помилования, однако осудил меня на изгнание и пригрозил немедленно расправиться в случае возвращения на имперские земли.

Я обиделся на весь мир, на королевства, империи и университеты, на диссидентов, чиновников, юристов. На коллег и друзей, которые при первом же намеке на опасность отреклись от меня. На вторую жену, которая, как и первая, считала, что неприятности мужа – вполне достаточный повод для

развода. На детей, незамедлительно отказавшихся от меня. Я стал отшельником. Здесь, в Эббинге, на болотах Переплюта. Унаследовал эту развалюху после одного пустынного, с которым мне случайно довелось познакомиться. К несчастью, Нильфгаард аннексировал Эббинг, и я, хотел я того или нет, снова оказался в Империи. У меня больше нет ни сил, ни желания продолжать скитания, поэтому я вынужден скрываться. Императорские приговоры не имеют сроков давности и остаются в силе даже в том случае, если вынесший их правитель давным-давно преставился, а у правящего нет поводов с приятностью вспоминать своего предшественника и разделять его взгляды. Смертный приговор остается в силе. Таков закон и обычай Нильфгаарда. Приговоры за измену государству не устаревают и не подлежат амнистии, которую каждый новый император непременно объявляет после коронации. В результате восхождения на престол нового императора амнистируются все, кто был обречен его предшественником... за исключением повинных в измене государству. Безразлично, кто правит в Нильфгаарде: если станет известно, что я жив и нарушил приговор изгнания, пребывая на имперской территории, меня обезглавят на эшафоте.

Как видишь, Цири, мы оказались в совершенно равной ситуации.

– Что такое этика? Я знала, но забыла.

– Наука о морали. О правилах поведения благородного,

порядочного, приличного и вежливого. О вершинах добра, на которые дух человеческий возносят справедливость и моральность. И о безднах зла, в которые низвергают человека порок и непорядочность.

– Вершины добра! – фыркнула Цири. – Справедливость! Моральность! Не смейся, не то у меня шрам на морде лопнет. Тебе повезло, что тебя не преследовали, не насылали на тебя охотников за наградами вроде Бонарта. Тогда б ты увидел, что это за штука – бездна зла. Этика? Дерьмо цена всей твоей этике, Высогота из Корво. Нет, Высогота, не порочных или непорядочных сбрасывают в бездну, нет! О нет! Как раз порочные, злые, но решительные сбрасывают туда моральных, порядочных и благородных, но, на свое несчастье, робких, колеблющихся и не в меру щепетильных.

– Благодарю за науку, – съехидничал Высогота. – Уверен, проживи хоть целый век, никогда не поздно чему-нибудь подучиться. Воистину, всегда стоит послушать бывалых, тертых, зрелых и опытных людей.

– Ну-ну, смейся, смейся, – тряхнула головой Цири. – Пока можешь. Потому как теперь моя очередь смеяться. Теперь я повеселю тебя повествованием. Расскажу, как было со мной. А когда закончу, поглядим, захочется ли тебе и дальше подделывать меня.

Если б в тот день в сумерках кто-нибудь подобрался к избе с провалившейся стрехой, если б заглянул сквозь щели в

ставнях, то увидел бы в скупой освещенной комнатухе седобородого старика, сосредоточенно слушающего повествование пепельноволосой девушки, сидящей на колоде у камина. Он заметил бы, что девушка говорит медленно, как бы с трудом подыскивая слова, нервно потирает изуродованную отвратительным рубцом щеку и долгими минутами молчания перемежает повествование о своих судьбах. Повествование о знаниях, которые получила и которые все, все до единого, оказались ложными и путаными. О клятвах, которые ей давали и которых не сдержали. Повествование о том, как Предназначение, в которое ей должно было верить, подло обмануло ее и лишило наследства. О том, как всякий раз, когда она уже начинала верить, на нее обрушивались мытарства, боль, обида и презрение. О том, как те, которым она верила и любила, предали, не пришли на помощь, когда она страдала, когда ей грозили унижение, мучение и смерть. Повествование об идеалах, которым ей полагалось следовать, но которые подвели, предали, покинули ее именно в тот момент, когда они были ей особенно нужны, доказав тем самым, сколь ничтожной оказалась их цена. О том, как помощь, дружбу – и любовь – она наконец нашла у тех, у кого, казалось бы, не следовало искать ни помощи, ни дружбы. Не говоря уж о любви.

Но этого никто не мог увидеть и тем более услышать. Хата с провалившейся и заросшей мхом стрехой была хорошо укрыта туманами на топях, на которые никто не отважился

бы ступить.

Глава вторая

Вступая в зрелый возраст, юная дева начинает исследовать области жизни, до того ей недоступные, которые в сказках символизируются проникновением в таинственные башни и поисками укрытой там комнаты. Девушка взбирается на вершину башни, ступая по винтовой лестнице – лестницы в снах представляют собою символы эротических переживаний. Запретная комната, этот маленький, замкнутый на замок покой, символизирует вагину, а поворот ключа в замке – сексуальный акт.

Бруно Беттельгейм

The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales

Западный ветер нагнал ночную бурю.

Фиолетово-черное небо раскололось вдоль зигзага молнии, взорвалось рассыпчатым грохотом грома. Обрушившийся на землю дождь резко забарабанил по дорожной пыли густыми как масло каплями, зашумел по крышам, размазал грязь на пленках оконных пузырей. Но сильный ветер быстро разогнал ливень, отогнал грозу куда-то далеко-далеко, за испещренный молниями горизонт.

И тогда разлаялись собаки. Зазвенели копыта, забренчало оружие. Дикие крики и свист вздымали волосы на головах разбуженных кметов, в панике вскакивающих с poste-

лей, подпирающих кольями двери и оконные рамы. Вспотевшие руки сжимали рукояти топоров, черенки вил. Сжимали крепко. Но бесполезно.

Террор, террор неся по деревне. Преследуемые или преследователи? Вzbесившиеся от ярости или от ужаса? Пролетят, не задержат лошадей? Или же вот-вот осветится ночь огнем полыхающих крыш?

Тише, тише, дети...

Мама, это демоны? Это Дикий Гон? Привидения, вырвавшиеся из ада?

Мама, мама!

Тише, тише, дети! Это не демоны, не дьяволы.

Хуже.

Это люди.

Надрывались собаки. Завывал ветер. Звенели подковы.

Сквозь село и сквозь ночь мчалась разгульная ватага.

Хотспорн влетел на пригорок, сдержал и развернул коня. Он был предусмотрительным и осторожным. Не любил рисковать, тем более что осторожность ничего не стоила. Он не торопился спускаться вниз, к речке, к почтовой станции. Предпочитал сначала как следует приглядеться.

Около станции не было ни лошадей, ни телег, стоял там лишь один фургончик, запряженный парой мулов. На тенте виднелась надпись, которую Хотспорн издалека прочесть не мог. Но опасностью не пахло. Опасность Хотспорн учуять

умел. Хотспорн был профессионалом.

Он спустился на заросший кустарником и ивняком берег, решительно послал коня в реку, галопом прошел меж бьющих повыше седла всплесков воды. Ныряющие вдоль берега утки разлетелись с громким кряканьем.

Хотспорн подогнал коня, через раскрытую заграду въехал во двор станции. Теперь уже можно было прочесть надпись на тенте фургона:

МЭТР АЛЬМАВЕРА,
ИСКУСНИК ТАТУИРОВКИ

Каждое слово было намалевано другим цветом и началось с преувеличенно огромных, изящно изукрашенных букв. А на корпусе фургона, повыше переднего колеса, красовалась выведенная пурпурной краской небольшая стрела с раздвоенным наконечником.

– С коня! – услышал он за спиной. – На землю, да поживее! Руки прочь от меча!

Его поймали и беззвучно окружили: справа – Ассе в черной кожаной курточке, расшитой серебром, слева – Фалька в зеленом замшевом кафтанчике и берете с перьями. Хотспорн стянул капюшон, закрывавший лицо.

– Ха! – Ассе опустил меч. – Это вы, Хотспорн. Я бы узнал, но меня обманул ваш воронок.

– Но хороша кобылка! – восторженно сказала Фалька, сдвигая берет на ухо. – Черна и блестит как уголь, ни волоска посветлее. А стройна! Ух, красавица!

– Да уж, такая вот досталась за неполные сто флоренов, – небрежно улыбнулся Хотспорн. – Где Гиселер? Внутри?

Ассе кивнул. Фалька, зачарованно глядя на кобылу, пошлепала ее по шее.

– Когда мчалась через воду, – она подняла на Хотспорна большие зеленые глаза, – то была словно настоящая кэльпи! Если б вынырнула из моря, а не из речки, не поверила бы, что это не настоящая кэльпи.

– А ты, Фалька, когда-нибудь видела настоящую кэльпи?

– На картинке. – Девушка вдруг погрустнела. – А, чего болтать-то. Пошли в дом. Гиселер ждет.

У окна, дающего немного света, стоял стол. На столе, опираясь о крышку локтями, полулежала Мистле, совершенно голая ниже пояса. На ней не было ничего, кроме черных чулок. Между нескромно раздвинутыми ногами копошился худой длинноволосый тип в грязном халате. Это не мог быть никто иной, как только мэтр Альмавера, искусник татуировки, поскольку он-то как раз и был занят тем, что выкалывал на ляжке Мистле цветную картинку.

– Подойди ближе, Хотспорн, – пригласил Гиселер, отодвигая табурет от дальнего стола, за которым сидел с Искрой, Кайлеем и Реефом. Двое последних, как и Ассе, тоже были одеты в черную телячью кожу, усеянную застёжками, кнопками, цепочками и другими изысканными украшениями из серебра. «Какой-то ремесленник здорово подзаработал», –

подумал Хотспорн. Крысы, когда на них находил стих и распирало желание помодничать, платили портным, сапожникам и шорникам воистину по-королевски. Ясное дело, они никогда не упускали случая сорвать с подвергшегося нападению человека одежду либо финтифлюшки, попавшиеся на глаза.

– Вижу, ты нашел нашу цедулю в развалинах старой станции, – потянулся Гиселер. – Да что я, иначе б тебя тут не было. Надо признать, быстренько ты явился.

– Потому как кобыла хороша, – вставила Фалька. – Поспорю, что и резвая!

– Я ваше сообщение нашел. – Хотспорн не сводил глаз с Гиселера. – А как с моим? Дошло?

– Дошло... – кивнул головой крысиный главарь. – Но... Но чтоб не разводить... У нас тогда не было времени. А потом мы упились, и пришлось малость передохнуть. А позже другой нам путь вышел...

«Говнюки», – подумал Хотспорн.

– Короче говоря, ты поручение не выполнил?

– Угу. Прости, Хотспорн. Некогда было... Но в другой раз, хо-хо. Обязательно!

– Обязательно! – высокопарно подтвердил Кайлей, хоть никто его об этом не просил.

«Чертовы безответственные говнюки. Перепились. А потом, ишь ты, другая дорога им вышла. К портняжкам за завитушками и цацками, не иначе!»

– Выпьешь?

– Благодарю. Нет.

– А может, отведаешь этого? – Гиселер указал на стоящую среди бутылей и кубков разукрашенную лаковую шкатулочку. Хотспорн уже знал, почему глаза у Крыс так блестят, почему их движения такие нервные и быстрые.

– Первоклассный порошок, – заверил Гиселер. – Не возьмешь щепотку?

– Благодарю, нет. – Хотспорн многозначительно указал на кровавое пятно на полу и уходящий в каморку след на половиках, явно говорящий, куда и когда утащили труп. Гиселер заметил взгляд.

– Один типчик тут больно шустрый собрался героя из себя строить, – фыркнул он. – Ну так Искре пришлось его маленько пожурить.

Искра гортанно засмеялась. Сразу было видно, что наркотика они приняли сверх меры.

– Да так пожурила, что он кровью захлебнулся, – похвалилась она. – Ну а тогда другие сразу поутихли. Это называется «террор»!

Она, как обычно, была увешана драгоценностями, даже в крылышке носа красовалось колечко с бриллиантом. Она носила не кожу, а вишневого цвета кафтанчик с парчовым рисунком, уже достаточно знаменитый, чтобы считаться последним пискom моды у золотой молодежи из Турна. Как, впрочем, и шелковый платочек, которым повязал голову Ги-

селер. Хотспорну уже доводилось слышать о девушках, которые стриглись «под Мистле».

– Это называется «террор», – задумчиво повторил он, продолжая рассматривать кровавую полосу на полу. – А хозяин станции? А его жена? Сын?

– Нет-нет, – поморщился Гиселер. – Думаешь, мы всех порубили? Что ты! В чулане их временно заперли. Теперь, как видишь, станция наша.

Кайлей громко прополоскал рот вином, выплюнул на пол. Маленькой ложечкой набрал из шкатулки немного фисштеха, как они именовали наркотик, осторожно высыпал на поспяну. Подал шкатулку Фальке, та повторила ритуал и передала порошок Реефу. Нильфгаардец отказался, занятый просмотром каталога цветных татуировок, и передал шкатулку Искре. Эльфка отдала ее Гиселеру, не воспользовавшись.

– Террор, – буркнула она, щуря блестящие глаза и шмыгая носом. – Мы станцию держим под террором! Император Эмгыр весь мир так держит, а мы только эту халупу. Но принцип тот же!

– А-а-а-а, хрен ты возьми! – взвыла на столе Мистле. – Ты гляди, чего колешь! Сделаешь еще раз так, я тебя так кольну! Насквозь пройдет!

Крысы – кроме Фальки и Гиселера – расхохотались.

– Коли ее, мэтр, коли, – добавил Кайлей. – Она промежду ног закаленная!

Фалька грубо выругалась и запустила в него кубком. Кайлей увернулся. Крысы снова зашлись хохотом.

– Стало быть, так. – Хотспорн решил положить конец веселью. – Станцию вы держите под террором. А зачем? Ежели отбросить удовольствие, проистекающее из терроризирования?

– Мы здесь, – ответил Гиселер, втирая себе фисштех в десну, – вроде караул стоим. Кто сюда явится, чтобы коней сменить или передохнуть, того мы обдираем. Это удобнее, чем где на перекрестках или в чащобе при тракте. Хотя, как только что сказала Искра, принцип тот же.

– Но сегодня, с рассвета, только этот нам попался, – встал Рееф, показывая на Альмаверу, почти с головой скрывшегося между разведенными ляжками Мистле. – Голодрапец, как всякий искусник, ничего у него не было, ну так мы его с его искусства обдираем. Киньте глаз, какой он способный к рисованию.

Рееф натянул рукав и показал татуировку – обнаженную женщину, шевелящую ягодицами, когда он сжимал кулак. Кайлей тоже похвастался: вокруг его руки, повыше шипастого браслета, извивался зеленый змей с раскрытой пастью и пурпурным раздвоенным языком.

– Со вкусом сделано, – равнодушно сказал Хотспорн. – И полезно при распознавании трупов. Ничего у вас из грабежа не получилось, дорогие Крысы. Придется заплатить художнику за его искусство. У меня не было времени предупредить вас:

вот уже семь дней, с первого сентября, знаком является пурпурная стрела с раздвоенным наконечником. Как раз такая намалевана на фуре.

Рееф тихо выругался. Кайлей рассмеялся. Гиселер равнодушно махнул рукой.

– Ничего не поделаешь. Оплатим ему иглы и краску. Пурпурная стрела, говоришь? Запомним. Если до утра еще такой со знаком стрелы появится, мы ему плохого не сделаем.

– Собираетесь торчать здесь до утра? – немного неестественно удивился Хотспорн. – Неразумно, Крысы. Рискованно и небезопасно.

– Чего-чего?

– Рискованно, говорю, и небезопасно.

Гиселер пожал плечами, Искра фыркнула и сморкнулась на пол. Рееф, Кайлей и Фалька глядели на купца так, словно он только что сообщил им, что, мол, солнце свалилось в речку и надобно его быстренько оттуда выловить, пока раки не ощипали. Хотспорн понял, что пытался образумить спятивших сопляков. Что предостерег перед риском и опасностью переполненных дурыю и бравадой фанфаронов, которым понятие страха совершенно чуждо.

– Преследуют вас, Крысы.

– Ну и что за беда?

Хотспорн вздохнул.

Беседу прервала Мистле, которая подошла к ним, не потрудившись даже одеться. Поставила ногу на лавку и, крутя бедрами, продемонстрировала всем и вся произведение мэтра Альмаверы: пунцовую розу на зеленой веточке с двумя листочками, помещенную на ляжке почти в самом паху.

– Ну как? – спросила она, уперев руки в боки. Ее браслеты, доходящие почти до локтей, бриллиантово блеснули. – Что скажете?

– Прелээээстно! – фыркнул Кайлей, откидывая волосы. Хотспорн заметил, что Крыс в ушах носит серьги. Было ясно, что такие же серьги вскоре будут – как и усеянная серебром кожа – модными у золотой молодежи в Турне, да и во всем

Гесо.

– Твой черед, Фалька, – сказала Мистле. – Что прикажешь себе выколоть?

Фалька коснулась ее ляжки, наклонилась и присмотрелась к татуировке. Вблизи. Мистле ласково потрепала ее пепельные волосы. Фалька захохотала и без всяких церемоний стала раздеваться.

– Хочу такую же розу, – заканючила она. – В том же самом месте, что и у тебя, любимая.

– Ну и мышей тут у тебя, Высогота. – Цири прервала рассказ, глядя на пол, где в кругу падающего от каганца света разыгрывался настоящий мышинный турнир. Можно было только догадываться, что делалось за пределами круга, в темноте. – Кота б тебе не помешало завести. А еще лучше – двух.

– Грызуны, – откашлялся отшельник, – стремятся к теплу, потому как зима приближается. А кот у меня был. Но отправился куда-то, бедняга, и пропал.

– Не иначе – лиса загрызла или куница.

– Ты не видела моего кота, Цири. Если его что-то и загрызло, то не иначе как дракон.

– Аж такой был? М-да, жаль. Уж он бы твоим мышам не позволил лазать по постели. Жаль.

– Жаль. Но, я думаю, он вернется. Кошки всегда возвращаются.

– Я подкину в огонь. Холодно.

– Холодно. Чертовски холодные сейчас ночи... А ведь еще даже не середина октября... Ну, продолжай, Цири.

Цири некоторое время сидела неподвижно, уставившись в огонь камина. Огонь ожил, затрещал, загудел, отбросил на изуродованное лицо девушки золотой отблеск и подвижные тени.

– Рассказывай!

Мэтр Альмавера накалывал, а Цири чувствовала, как слезы скапливаются у нее в уголках глаз. Хоть перед процедурой она предусмотрительно приглушила себя вином и фисштехом, боль была невыносимая. Она стискивала зубы, чтобы не стонать, и не стонала, конечно, а делала вид, будто не обращает внимания на иглы, а боль презирает. Старалась как бы вовсе и не замечать боли, участвовать в беседе, которую Крысы вели с Хотспорном – субъектом, пытающимся выдавать себя за купца, хотя в действительности – если не считать того факта, что жил он за счет торговцев, – ничего общего с купечеством не имевшим.

– Грозовые тучи собрались над вашими головами, – говорил Хотспорн, водя по лицам Крыс темными глазами. – Мало того что за вами охотится префект из Амарильо, мало того что гонятся Варнхагены, мало того что барон Касадей...

– И этот туда же, – поморщился Гиселер. – Ну ладно, префекта и Варнхагенов я понимаю, но чего ради какой-то Ка-

садей на нас взъелся?

– Гляньте-ка, истинный волк в овечьей шкуре, – усмехнулся Хотспорн, – и бебекает жалостливо: «Бе-е-е, бе-е-е, никто меня не любит, никто меня не понимает, куда ни явлюсь, всюду камнями забрасывают, ату его, ату, кричат. За что, ну за что мне такая обида и несправедливость?» А за то, дорогие мои Крысы, что доченька барона Касадея после приключения у речки Трясогузки до сего дня млеет и температурит.

– А-а-а, – вспомнил Гиселер. – Карета с четверкой серых в яблоко? Та самая девица, что ль?

– Та. Сейчас, как я сказал, хворает, по ночам с криком вскакивает, господина Кайлея вспоминает... Но особенно мазельку Фальку. И брошь, память о матушке-покойнице, которую – я имею в виду брошь – мазелька Фалька силой у нее с платица содрать изволила, произнося при этом всякие разные слова.

– И вовсе не в этом дело! – крикнула со стола Цири, воспользовавшись оказией, чтобы криком отреагировать на боль. – Мы проявили к баронессе презрение и нанесли оскорбление, позволив всухую уйти! Надо было прошпарить девицу-то!

– И верно. – Цири почувствовала взгляд Хотспорна на своих голых бедрах. – Воистину великое сие есть бесчестие не лишить девку чести, то бишь не прошпарить, в смысле не оттрахать! Неудивительно, что оскорбленный папаша Ка-

садей скликал вооруженную банду и назначил награду. Покаялся принародно, что все вы будете висеть головами вниз на стенах его замка. Пообещал также, что за сорванную с доченьки брошь сдерет с мазели Фальки шкуру. Лентами.

Цири выругалась, а Крысы разразились дурашливым хохотом. Искра чихнула и дико рассопливилась – фисштех раздражал ее слизистую.

– Мы на эти преследования чихали, – заявила она, вытирая шарфом рот, нос, подбородок и стол. – Префект, барон, Варнхагены! Гоняются, да не догонят. Мы – Крысы! За Вельдой трижды вильнули, и теперь эти дурни друг другу на пятки наступают, идут против остывших следов. Пока сообразят, что к чему, будут уже слишком далеко, чтобы возвращаться.

– Да если и завернут! – запальчиво воскликнул Ассе, некоторое время назад вернувшийся с вахты, на которой его никто не подменил и подменять не собирался. – Пощекочем их, и вся недолга.

– Точно! – крикнула со стола Цири, уже забыв, как прошлой ночью они драпали от погони через деревушки над Вельдой и как она тогда струхнула.

– Лады. – Гиселер хлопнул раскрытой ладонью по столу, положив на шумной болтовне крест. – Давай, Хотспорн, выкладывай. Я же вижу, ты хочешь нам кое-что поведать, кое-что поважнее префекта, Варнхагенов, барона Касадея и его чересчур впечатлительной дочурки.

– Бонарт идет у вас по следу.

Опустилась тишина, необычно долгая. Даже мэтр Альмавера перестал на минуту колотить.

– Бонарт, – медленно протянул Гиселер. – Старый седой висельник. Факт, кому-то мы и верно здорово насолили.

– Кому-то богатенькому, – согласилась Мистле. – Не каждого стать на Бонарта.

Цири уже собиралась спросить, кто таков этот Бонарт, но ее опередили, почти одновременно и в один голос, Ассе и Рееф.

– Это охотник за наградами, – угрюмо пояснил Гиселер. – Давней, кажется, солдатчиной промышлял, потом торговствовавал, наконец, взялся убивать людей за награды. Тот еще сукин сын. Каких мало.

– Болтают, – довольно беспечно сказал Кайлей, – что если б всех, кого Бонарт затюкал, похоронить на одном жальнике, то понадобился бы жальник ого-го каких размеров.

Мистле набрала щепотку белого порошка в углубление между большим пальцем и указательным и резко втянула его ноздрей.

– Бонарт разнес банду Большого Лотара, – сказала она. – Засек его и его брата, которому Мухомор кликуха была.

– Говорят, ударом в спину, – добавил Кайлей.

– И Вальдеса убил, – добавил Гиселер. – А когда Вальдес помер, то и его ганза развалилась. Одна из лучших была. Толковая, боевая дружинка. Крепкая. В свое время я поду-

мывал пристать к ним. Когда еще мы с вами не стакнулись.

– Все верно, – сказал Хотспорн. – Такой ганзы, как Вальдесова, не было и не будет. Песни слагают о том, как они вырвались из облавы под Сардой. Вот буйные были головы, вот уж прям-таки холостяцкая удаль! Мало кому было им в соперники идти.

Крысы замолчали разом и уставились ему в глаза, блестящие и злые.

– Мы, – процедил после недолгой тишины Кайлей, – вшестером когда-то пробились через эскадрон нильфгаардской конницы!

– Отбили Кайлея у нисаров, – проворчал Ассе.

– С нами, – прошипел Рееф, – тоже не каждому соперничать!

– Это верно, Хотспорн, – выпятил грудь Гиселер. – Крысы не хуже какой другой банды, да и Вальдесовой ганзы тоже. Холостяцкая удаль, говоришь? Так я тебе кой-чего о девичьей удали расскажу. Искра, Мистле, Фалька втроем, вот как тут сидят, белым днем проехали посредине города Друи, а выведавши, что в трактире стоят Варнхагены, промчались сквозь трактирню. Насквозь! Въехали спереди, выехали со двора. А Варнхагены остались сидеть, раззявив хайла, над побитыми кувшинами и разлитым пивом. Может, скажешь, невелика удаль?

– Не скажет, – опередила ответ Мистле, зловеще усмехаясь. – Не скажет, потому что знает, что такое Крысы. Его

гильдия тоже в курсе.

Мэтр Альмавера закончил татуировку. Цири с гордой миной поблагодарила, оделась и подсела к компании. Приснула, чувствуя на себе странный, изучающий и как бы насмешливый взгляд Хотспорна. Зыркнула на него злым глазом, демонстративно прижимаясь к плечу Мистле. Она уже успела убедиться, что такие фокусы конфузят и эффективно охлаждают мужчин, у которых в голове поют амурсы. В случае Хотспорна она действовала немного как бы «на вырост», с опережением, потому что квазикупец в этом отношении не был настырным.

Хотспорн был для Цири загадкой. Она видела его раньше всего один раз, остальное ей рассказала Мистле. Хотспорн и Гиселер, пояснила она, знают друг друга и дружат давно, есть у них условные сигналы, пароли и места встреч. Во время таких встреч Хотспорн передает информацию – и тогда они едут на указанный тракт и нападают на указанного купца, конвой либо обоз. Иногда убивают указанного человека. Всегда обговаривается определенный знак – на купцов с таким знаком на телегах нападать нельзя.

Вначале Цири была удивлена и слегка разочарована – она души в Гиселере не чаяла, Крыс считала образцом свободы и независимости, сама полюбила эту свободу, это презрение ко всем и всему. Но тут неожиданно пришлось выполнять работу на заказ. Как наемным убийцам, кто-то приказывал им, кого бить. Мало того – кто-то кого-то заказывал убивать,

а они слушались, опустив глаза.

– Дело за дело, – пожала плечами Мистле, – Хотспорн отдает нам приказы, но и предоставляет информацию, благодаря которой мы выживаем. У свободы и презрения – свои пределы. В конце концов всегда один является орудием другого. Такова жизнь, соколица.

Цири была разочарована и удивлена, но это быстро прошло. Она училась. В частности, тому, чтобы не удивляться сверх меры и не ждать слишком многого, ибо в таких случаях разочарование бывает не столь убийственным.

– У меня, дорогие Крысы, – тем временем продолжал Хотспорн, – есть и ремедиум от всех ваших забот. От нисаров, баронов, префектов, даже от Бонарта. Да, да. Потому что, хоть он и затягивает на ваших шеях аркан, я располагаю методами, которые позволят вам из петли выскользнуть.

Искра прыснула. Рееф захохотал. Но Гиселер остановил их жестом: позволил Хотспорну продолжать.

– В народе идет слух, – сказал, чуть переждав, купец, – что вот-вот будет объявлена амнистия. Если даже кого-то ждет кара за неявку, да что там, даже если кого-то ждет веревка, он будет помилован, если, конечно, явится с повинной. К вам это относится в полной мере.

– Херню порешь! – крикнул Кайлей, пуская слезу из-за слишком большой дозы фисштеха, попавшего в нос. – Нильфгаардские штучки, фортели! Нас, старых воробьев, на такой мякине не проведешь!

– Погодь, Кайлей, – сдержал его Гиселер. – Не горячись. Хотспорн, насколько мы его знаем, не привык трепаться зазря и чепуху молоть. Он привык знать, что и почему болтают. А значит, знает сам и нам скажет, откуда взялась столь неожиданная нильфгаардская милость.

– Император Эмгыр, – спокойно сказал Хотспорн, – жемится. Вскоре у нас в Нильфгаарде будет императрица. Потому и собираются объявить амнистию. Император, говорят, безмерно счастлив, ну, вот и другим отщипнуть желает толику этой безмерности.

– В заднице у меня императорская безмерность, – торжественно провозгласила Мистле. – А амнистией я позволю себе не воспользоваться, потому как эта нильфгаардская милость что-то мне свежим запахом щепок отдает. Вроде бы кол заостряют, ха-ха!

– Сомневаюсь, – пожал плечами Хотспорн, – чтобы это был обман. Тут вопрос политики. И большой. Большей, нежели вы, Крысы, или все здешнее разбойство, вместе взятое. В политике тут дело.

– Это в какой же такой политике? – насупился Гиселер. – Я, к примеру, ни черта не понял.

– Марьяж Эмгыра – дело политическое, и при помощи этого марьяжа могут быть решены многие политические проблемы. Император заключает персональную унию, чтобы еще сильнее сплотить империю, положить конец пограничным стычкам и распрям, обеспечить мир. Знаете, на ком он

женится? На Цирилле, наследнице престола Цинтры!

– Ложь! – рявкнула Цири. – Треп! Вранье!

– На основании чего мазель Фалька осмеливается обвинять меня во лжи? – поднял на нее глаза Хотспорн. – А может, упомянутая мазель лучше проинформирована?

– Еще как лучше-то! Наверняка!

– Потеше, Фалька, – поморщился Гиселер. – Когда тебя на столе в гузку кололи, так ты тихонько лежала, а теперь хорохоришься. Что еще за Цинтра такая, Хотспорн? Какая еще такая Цирилла? Почему все это навроде бы так уж важно?

– Цинтра, – вмешался Рееф, отсыпая на палец порошок, – это маленькое государствишко на севере, за которое Империя воевала с тамошними хозяевами. Три или четыре года тому прошло.

– Верно, – подтвердил Хотспорн. – Имперские войска захватили Цинтру и даже перешли через Ярру, но потом вынуждены были ретироваться.

– Потому что получили трепку под Содденским Холмом, – буркнула Цири. – Ретировались так, что чуть было портки не растеряли. Драпали, вот что.

– Мазель Фалька, как я вижу, знакома с новейшей историей. Похвально, похвально. В столь юном возрасте. Дозволено мне будет спросить, где мазель Фалька ходила в школу?

– Не дозволено!

– Хватит! – снова напомнил Гиселер. – Давай о Цинтре, Хотспорн, и об амнистии.

– Император Эмгыр, – сказал купец, – решил создать из Цинтры плющевое государство...

– Сплющенное? Это что еще за штука?

– Не сплющенное, а плющевое, несамостоятельное. Как плющ, который не может существовать без могучего ствола, вокруг которого обвивается. А стволом этим, разумеется, будет Нильфгаард. Такие государства уже имеются. Возьмем, к примеру, Метинну, Мехт, Туссент... Там правят местные династии. Как бы правят, разумеется.

– Это называется органическая автономия, – похвалился Рееф. – Я слышал.

– Однако проблема Цинтры оказалась сложнее. Тамошняя королевская линия угасла...

– Угасла?! – Из глаз Цири, казалось, вот-вот сыпанутся зеленые искры. – Хорошо же она угасла! Нильфгаардцы прикончили королеву Калантэ! Пришили самым обычным манером! Это ты называешь «угасла»?

– Признаю, – Хотспорн жестом сдержал Гиселера, собиравшегося снова отчитать Цири за вмешательство, – что мазель Фалька явно поражает нас своими обширными не по возрасту познаниями. Королева Калантэ действительно погибла во время войны. Погибла, как считалось, и ее внучка Цирилла, последнее звено в королевской линии. Получалось, что Эмгыру не из чего было слепить эту, как мудро заметил милсдарь Рееф, органическую автономию, в смысле, конечно, ее ограниченной автономности. Но тут неожидан-

но, как бы ни с того ни с сего, отыскалась вышеименованная Цирилла.

– Сказочки, понимаешь, какие-то, – фыркнула Искра, опираясь о плечо Гиселера.

– Действительно, – кивнул Хотспорн. – Немного, надобно признать, смахивает на сказку. Говорят, злая чародейка держала Цириллу где-то взаперти на дальнем севере, в магических узах. Но Цирилле удалось сбежать и попросить убежища в Империи.

– Все это одна огромная, чертовская, неправдивая неправдивость, болтовня и глупость! – разоралась Цири, потянувшись трясущимися руками к шкатулочке с фисштехом.

– Император же Эмгыр, если верить молве, – продолжал не сбитый с толку Хотспорн, – как только ее увидел, влюбился без ума и жаждет взять в жены.

– Соколица права, – твердо сказала Мистле, подтверждая свои слова ударом кулака по столу. – Все это чертовы бредни! Никаким чертовым чертом не могу понять, о чем тут говорят. Одно ясно: строить на этой дури надежду на нильфгаардскую милость было бы еще большей дурью.

– Верно! – поддержал ее Рееф. – Какое нам дело до императорского жениховства? Хоть с кем хошь император окрутится, нас завсегда будет невеста ждать. Из пеньки сплетенная!

– Не в ваших шеях дело, дорогие Крысы, – напомнил Хотспорн. – Это политика. На северных рубежах Империи

ширятся восстания, бунты и волнения, особенно в Цинтре и ее округе. А возьми император в жены наследницу Цинтры, так Цинтра успокоится. Если будет торжественно объявлена амнистия, то бунтующие партии спустятся с гор, перестанут рвать Империю и чинить беспорядки. Да и вообще, если цинтрийка взойдет на императорский престол, то бунтовщики вступят в императорскую армию. А вы знаете, что на севере за Яррой продолжаются войны, каждый солдат на счету.

– Ага! – выкрикнул Кайлей. – Теперь я понял! Вон она какая амнистия! Дадут тебе на выбор: вот кол острый, вот императорские цвета. Или кол в жопу, или цвета на горбушку. И на войнучку, подыхать за Империю.

– На «войнучке», – медленно сказал Хотспорн, – действительно бывает по-всякому, как в той песенке. То бишь на войне, как на войне! В конце концов не каждому достанется воевать, дорогие Крысы. Возможно, конечно, после выполнения условий амнистии, то есть явки с повинной, будет введен некий род... альтернативной службы.

– Чего-чего?

– Я знаю, в чем дело. – Зубы Гиселера на мгновение сверкнули на загорелом, синеватом от бритья лице. – Купеческая гильдия, дети мои, пожелает приветить нас. Приютить и обласкать. Как матушка родная.

– Как курвина мать скорей, – буркнула себе под нос Искра. Хотспорн сделал вид, будто не слышал.

– Ты совершенно прав, Гиселер, – сказал он холодно. – Гильдия может, если захочет, дать вам работу. Официально, в виде альтернативной службы в армии. Дать защиту. Официально и взамен.

Кайлей хотел что-то сказать. Мистле тоже хотела что-то сказать, но быстрый взгляд Гиселера заткнул рты обоим.

– Передай гильдии, Хотспорн, – сказал ледяным тоном атаман Крыс, – что за предложение мы благодарим. Мы подумаем, поразмыслим, обсудим. Посоветуемся, как поступить.

Хотспорн встал.

– Я еду.

– Сейчас, в ночь?

– Переночую в селе. Тут мне как-то не с руки. А завтра прямиком на границу с Метинной, потом главным трактом в Форгехам, где пробуду до Эквинокция, а может быть, и подольше. Потому что там буду ожидать тех, кто уже подумал, размыслил, обсудил, посоветовался и готов явиться, чтобы под моим присмотром ожидать амнистии. Да и вы тоже очень-то не тяните с раздумьями и размышлениями. Добром советую, потому что Бонарт вполне может и решительно готов опередить амнистию.

– Ты все время пугаешь нас Бонартом, – медленно сказал Гиселер, тоже поднимаясь. – Можно подумать, будто эта стервь уже за порогом... А он, верно, еще за горами, за лесами, за синими морями...

– ...в Ревности, – спокойно закончил Хотспорн. – На по-

стоялом дворе «Под головой химеры». Милях в тридцати отсюда. Если б не ваши выкрутасы над Вельдой, вы наверняка наткнулись бы на него уже вчера. Но вас это не волнует, знаю. Ну, бывай, Гиселер. Бывайте, Крысы. Мэтр Альмавера, я еду в Метинну и люблю компанию в пути... Что вы сказали, мэтр? Охотно? Так я и думал. Ну, стало быть, упаковывайте свои причиндалы. Заплатите мэтру, Крысы, за его художества.

Почтовая станция пропахла жареным луком и картофельным супом, который готовила жена хозяина, временно выпущенная из чуланного заточения. Свеча на столе фукала, пульсировала и раскачивала хвостиком пламени. Крысы наклонились над столом так, что огонек грел их почти соприкасающиеся головы.

– Он в Ревности, – тихо говорил Гиселер. – На постоялом дворе «Под головой химеры». Точно день езды отсюда. Что вы об этом думаете?

– То же, что и ты, – проворчал Кайлей. – Едем туда и прикончим сукина сына.

– Отомстим за Вальдеса, – сказал Рееф. – И Мухомора.

– И нечего, – прошипела Искра, – разным там Хотспорнам тыкать нам в глаза чужими делами и прытью. Пришьем Бонарта, этого трупоеда, оборотня. Приколотим его башку над дверьми кабака, чтобы названию соответствовало! И чтоб все знали, что никакой он не волевой, а обычный смертный

был, как все другие, и что вообще сам на тех, что посильнее, нарвался. Сразу станет видно, чья ганза покрепче всех будет от Кората до Переплюта!

— На ярмарках станут о нас песни распевать! — запальчиво бросил Кайлей. — Да и по замкам тоже!

— Поехали. — Ассе хлопнул по столу рукой. — Едем и прикончим стервятника.

— А уж потом, — задумался Гиселер, — поразмыслим о хотс-порновской амнистии... О гильдии... Ты чего морду кривишь, Кайлей, ровно клопа разгрыз? На пятки нам наступают, а зима приближается. Я так думаю, Крысяты: презируем, погреем задницы у камина, амнистией от холода прикрывшись, амнистийное теплое пиво потягивая. Перетерпим с этой амнистией нормально и толково... как-нибудь до весны. А весной... Как травка из-под снега выглядывает...

Крысы рассмеялись в один голос, тихо, зловеще. Глаза горели у них, как у настоящих крыс, когда те ночью, в темном закоулке подбираются к раненному, не способному защищаться человеку.

— Выпьем, — сказал Гиселер. — Бонарту на погибель! Похлебаем супчика и спать. Отдохнуть надо, потому как до зари двинем.

— Ясно, — фыркнула Искра. — Берите пример с Мистле и Фальки, те уж час как в постели.

Жена хозяина почтовой станции задрожала у чугуна, слыша от стола тихий, злой, отвратный хохот.

Цири подняла голову, долго молчала, засмотревшись на едва тлеющее пламечко каганка, в котором уже догорал остаток фитиля.

– Тогда я выскользнула из станции, будто воровка, – продолжила она рассказ. – Под утро, в полной темноте. Но не сумела убежать незаметно. Когда я вставала с постели, проснулась Мистле. Прихватила меня в конюшне, где я седлала коня. Не выдала удивления. И вовсе не пыталась меня удержать... Начинало светать.

– Да и сейчас уже недалеко до рассвета, – зевнул Высогота. – Пора спать, Цири. Завтра продолжишь.

– Может, ты и прав. – Она тоже зевнула, встала, сильно потянулась. – У меня глаза слипаются. Но в таком темпе, отшельник, я никогда не dokonчу. Сколько вечеров прошло? Никак не меньше десяти. Боюсь, на весь рассказ потребуется тысяча и одна ночь.

– У нас есть время, Цири. Много времени.

– От кого ты собралась сбежать, соколица? От меня? Или от себя?

– Конец бегству! Теперь надо догонять. Поэтому нужно вернуться туда... где все началось. Необходимо. Пойми меня, Мистле.

– Так вот почему... почему ты была сегодня так ласкова со мной. Впервые за столько дней... Последний прощальный

раз? А потом – забыть?

– Я тебя никогда не забуду, Мистле.

– Забудешь.

– Никогда. Клянусь. И это не был последний раз. Я тебя разыщу. Я приеду за тобой... Приеду в золотой карете с шестеркой лошадей. Со свитой дворян. Вот увидишь. Я очень скоро обрету... возможности. Огромные возможности. Я сделаю так, что твоя судьба изменится... Увидишь. Убедишься, как много я смогу сделать. Как много изменить.

– Для этого необходима гигантская сила, – вздохнула Мистле. – И могучая магия...

– И это тоже возможно. – Цири облизнула губы. – Магия тоже... Могу отыскать... Все, что я когда-то утратила, может ко мне вернуться... Клянусь, ты удивишься, когда мы встретимся снова.

Мистле отвернулась, долго смотрела на розово-голубые облака, которые рассвет уже вырисовал над восточным краем мира.

– Верно, – сказала она тихо. – Я буду очень удивлена, если мы еще когда-нибудь встретимся. Если еще когда-нибудь я увижу тебя, малышка. Ну – поезжай. Не будем тянуть...

– Жди меня. – Цири шмыгнула носом. – И не дай себя убить. Подумай об амнистии, о которой говорил Хотспорн. Даже если Гиселер и другие не захотят... Ты все равно подумай, Мистле. Это, может быть, позволит тебе выжить. Потому что я вернусь за тобой. Клянусь.

– Поцелуй меня.

Светало. Ярчало. Усиливался холод.

– Я люблю тебя, Свиристелька моя.

– Я люблю тебя, Соколушка моя. Ну – поезжай.

– Конечно, она не верила мне. Думала, что я струсилла и погналась за Хотспорном, чтобы искать спасения, умолять об амнистии, которой он так нас соблазнял. Откуда ей было знать, какие чувства овладели мной, когда я слушала трёп Хотспорна о Цинтре, о моей бабушке Калантэ... И о том, что «какая-то Цирилла» станет женой императора Нильфгаарда. Того самого императора, который убил бабушку Калантэ, а за мной послал черного рыцаря с пером на шлеме. Я рассказывала тебе, помнишь? На острове Танедд, когда он протянул ко мне руку, я устроила ему кровопускание. Надо было его тогда убить... Но я почему-то не смогла... Глупая была. Впрочем, кто знает, может, он там, на Танедде, изошел кровью и подох... Что ты так на меня смотришь?

– Рассказывай. Расскажи, как поехала за Хотспорном, чтобы восстановить право на наследство. Отыскать то, что тебе принадлежало по... закону.

– Ты напрасно язвишь, напрасно ехидничаешь. Да, я знаю, это было глупо, теперь-то я вижу, а вот тогда... Я гораздо умнее была в Каэр Морхене и в храме Мелитэле, там я знала, что все ушедшее не может вернуться, что я больше уже не княжна Цинтры, а что-то совершенно другое, что никакого

наследства у меня уже нет, все потеряно, тут уж никуда не денешься, надо смириться. Мне объяснили это умно и спокойно, и я это приняла. Тоже спокойно. И вдруг все стало возвращаться. Сначала, когда мне в глаза пытались пустить пыль, проорав титул той касадеевой баронессы... Мне всегда было плевать на такие штуки, а тут я вдруг взбеленилась, задрала нос и еще громче заорала, что-де мой титул повыше ейного и мой род гораздо знатнее. И с той поры это не выходило у меня из головы. Я чувствовала, как во мне нарастает злость. Ты понимаешь, Высогота?

– Понимаю.

– А слова Хотспорна переполнили чашу. Я чуть не лопнула от ярости... Мне раньше столько болтали о Предназначении... А тут, понимаешь, получается, что моим Предназначением воспользуется кто-то другой, да к тому же благодаря мерзостному шарлатанству. Кто-то выдал себя за меня, за Цири из Цинтры, и получит все, будет купаться в роскоши. Нет, я не могла думать ни о чем другом... Я вдруг как-то сразу поняла, что недоедаю, мерзну, засыпая под открытым небом, что вынуждена мыть интимные места в ледяных ручьях... Я! У которой ванна должна быть из золота, вода благоухать нардом и розами, полотенца – теплыми, постель чистой! Ты понимаешь, Высогота?!

– Понимаю.

– Я уже готова была поехать в ближайшую префектуру, в ближайший форт, к тем самым черным нильфгаардцам, ко-

торых так боялась и которых так ненавидела... Я была готова сказать: «Это я – Цири, вы, нильфгаардские тупицы, не ее, а меня должен взять в жены ваш глупый император. Вашему императору подсунули какую-то бессовестную авантюристку, а этот ваш кретин не почуял мошенничества». Я была в такой ярости, что так бы и поступила, если б подвернулся случай. Не раздумывая, понимаешь, Высогота?

– Понимаю.

– К счастью, я охолонула.

– К великому твоему счастью, – серьезно кивнул он. – У проблемы императорской женитьбы все признаки государственной аферы, борьбы партий или фракций. Если б ты раскрылась, подпортив планы каким-то влиятельным силам, то не избежала бы кинжала или яда.

– Я тоже это поняла. И забыла. Намертво забыла. Признать, кто я такая, означало смерть. Я могла не раз убедиться в этом. Но не будем забегать вперед.

Они какое-то время молчали, занимаясь шкурками. Несколько дней назад улов оказался довольно богатым, в ловушки и капканы попало множество ондатр и нутрий, две выдры и один бобр. Так что работы хватало.

– И ты догнала Хотспорна? – наконец спросил Высогота.

– Догнала. – Цири отерла лоб рукавом. – Очень даже быстро, потому что он не шибко-то спешил. И совсем не удивился, увидев меня!

– Мазель Фалька! – Хотспорн натянул поводья, танцуя, развернул вороную кобылу. – Какая приятная неожиданность! Хотя, признаться, не столь большая. Я ожидал, не скрою, ожидал. Знал, что вы сделаете выбор. Мудрый выбор. Я заметил вспышку интеллекта в ваших прекрасных и полных прелести глазах.

Цири подъехала ближе, так, что они почти соприкоснулись стремянами. Потом протяжно отхаркнулась, наклонилась и сплюнула на песок дороги. Она научилась плевать таким манером, отвратительным, но эффективным, когда надо было остудить пыл предполагаемого обольстителя.

– Понимаю, – слегка улыбнулся Хотспорн, – вы хотите воспользоваться амнистией?

– Ты плохо понимаешь.

– Тогда чему же следует приписать радость, доставляемую мне лицезрением прелестного личика мазели?

– А надо, чтобы было чему? – фыркнула она. – Ты на станции болтал, будто любишь компанию в дороге?

– Неизменно, – шире улыбнулся он. – Но если дело не в амнистии, то не уверен, что нам по пути. Мы находимся, как видите, на пересечении дорог. Четыре стороны света. Выбор... Символика, как в хорошо знакомой легенде. На восток пойдешь, не вернешься. На запад пойдешь, не вернешься... На север... Хм-м-м... К северу от этого столба – амнистия.

– Не морочь мне голову своей амнистией.

– Как прикажете. Тогда куда же, если дозволено будет спросить, дорожка ведет? Которая из дорог символического перекрестка? Мэтр Альмавера, искусник иглы, погнал своих мулов на запад, к городку Фано. Восточный тракт ведет к поселку Ревность, но я определенно не советовал бы выбирать этот путь...

– Река Ярра, – медленно проговорила Цири, – о которой шла речь на станции, – это нильфгаардское название реки Яруги, верно?

– Ты такая ученая, – он наклонился, заглянув ей в глаза и переходя на «ты», – а этого не знаешь?

– Ты не можешь по-человечески ответить, когда тебя по-человечески спрашивают? – не осталась в долгу Цири.

– Я пошутил, зачем же сразу злиться? Да, это та самая река. По-эльфьему и по-нильфгаардски – Ярра, по-нордлингски – Яруга.

– А устье этой реки, – продолжала Цири, – Цинтра?

– Именно Цинтра.

– Отсюда, где мы сейчас стоим, далеко до Цинтры? Сколько миль?

– Немало. И зависит от того, в каких милях считать. Почти у каждой нации свои, ошибиться нетрудно. По методу всех странствующих купцов такие дистанции удобнее считать в днях. Чтобы отсюда доехать до Цинтры, понадобится примерно двадцать пять – тридцать дней.

– Куда? Прямо на север?

– Что-то тебя, мазель Фалька, очень уж интересует Цинтра. К чему бы это?

– Собираюсь взойти на тамошний престол.

– Прелестно, прелестно. – Хотспорн поднял руку, как бы защищаясь от удара. – Тонкий намек понял, больше вопросов не будет. Самый короткий путь в Цинтру, как это ни парадоксально, ведет не прямо на север, потому как там кругом бездорожья и болотистые приозерья. Сначала следует направиться к городу Форгехаму, а потом ехать на северо-запад, до Метинны, столицы аналогично называемой страны. Потом следует ехать через равнину Маг Деиру, торговым трактом до самого города Нойнройт и только уже оттуда направиться на северный тракт, ведущий к долине Марнададь. А долина Марнададь – это уже Цинтра.

– Хм-м-м... – Цири уставилась в зеленый горизонт, в размытую линию темных взгорий. – До Форгехама, а потом на северо-запад... Это значит... куда же?

– Знаешь что, – Хотспорн едва заметно улыбнулся. – Я направляюсь как раз к Форгехаму, а потом до Метинны. Вот этой дорожкой, что между сосенками песочком золотится. Поезжай за мной, не заблудишься. Амнистия амнистией, но мне будет приятно общество прелестной девушки.

Цири смирила его самым пренаихолоднейшим из всех своих холодных взглядов. Хотспорн шельмовски закусил губу.

– Ну так как?

– Едем.

– Браво, мазель Фалька. Мудрое решение. Я же говорил, ты столь же мудра, сколь прелестна.

– Слушай, Хотспорн, кончай меня мазелить. У тебя это звучит как-то обидно, а я не позволяю обижать себя безнаказанно.

– Как прикажете, мазель...

Многообещающий прекрасный рассвет не оправдал возлагавшихся на него надежд. Наступивший день был серым и промозглым. Влажный туман приглушал цвета осенней листвы склонившихся над дорогой деревьев, отливающих тысячами оттенков охры, пурпура и золота.

Во влажном воздухе стоял аромат коры и грибов.

Они ехали медленно по ковру опавших листьев, но Хотспорн часто подгонял вороную кобылу, время от времени заставляя ее идти галопом либо рысью. В такие моменты Цири восхищенно глядела на них.

– Ее как-нибудь зовут?

– Нет, – сверкнул зубами Хотспорн. – Я отношусь к верховым лошадям чисто потребительски, стараюсь не привыкать к ним. Давать коням имена, если не содержишь конного завода или табуна, я считаю претенциозным. Согласна со мной? Конь Воронок, собачка Дружок, киска – Мурка. Претенциозно!

Цири не нравились его поглядывания и многозначительные улыбки и уж тем более насмешливый тон вопросов и ответов. Поэтому она пошла по самому простому пути – молчала, говорила кратко, не провоцировала. Если, конечно, удавалось. Правда, удавалось не всегда. Особенно когда он заговаривал об амнистии. Когда же в очередной раз – и довольно резко – она выразила недовольство, Хотспорн на удивление «сменил фронт» – принялся доказывать, что в ее случае амнистия излишня, более того – ее вообще не касается. Амнистируют преступников, а не их жертвы.

– Сам ты жертва, Хотспорн! – зашлась смехом Цири.

– Я сказал совершенно серьезно, – заверил он. – Не для того, чтобы вызвать у тебя птичье щебетание, а чтобы посоветовать, как спасти шкуру в случае, если тебя поймают. Конечно, на барона Касадея это не подействует, да и на Варнхагенов тоже вряд ли, от них снисхождения не жди, эти в самом лучшем случае просто линчуют тебя на месте. Быстро, и если прытко пойдет, то безболезненно. Но вот если ты попадешь в руки префекту и предстанешь перед судом, суровым, но справедливым лицом имперского закона... О, вот на этот случай я порекомендовал бы тебе такую линию защиты: заливайся слезами и настаивай на том, что ты невинная жертва стечения обстоятельств.

– И кто в это поверит?

– Каждый. – Хотспорн наклонился в седле, заглянул ей в глаза. – Потому что ведь такова истинная правда. Ты –

невинная жертва, Фалька. Тебе еще нет шестнадцати, по законам Империи ты – несовершеннолетняя. В Крысиной банде оказалась случайно. Не твоя вина, что ты пришлась по вкусу одной из бандиток, Мистле, противоестественная сексуальная ориентация которой ни для кого не секрет. Ты попала под влияние Мистле, тебя использовали и принудили к...

– Ну, вот и выяснилось, – прервала Цири, сама удивляясь своему спокойствию. – Наконец-то выяснилось, что тебе нужно, Хотспорн. Видывала я уже таких типов, как ты.

– Серьезно?

– Как у всякого петушка, гребешок у тебя вскочил при одной мысли обо мне и Мистле, – продолжала она спокойно. – Как у каждого глупого самца, в твоей дурной башке шевельнулась мыслишка попробовать вылечить заблудшую овцу от противной натуры болезни, обратить на путь истинный. А знаешь, что во всем этом самое отвратное и противное натуры? Именно такие мыслишки!

Хотспорн посматривал на нее молча, храня довольно загадочную усмешку на тонких губах.

– Мои мысли, дражайшая Фалька, – сказал он, немного помолчав, – может, и необычны, может, и не совсем хороши, и уж, что там говорить, совершенно очевидно далеки от невинности... Но, о Господи, они соответствуют натуры. Моей натуры. Ты оскорбляешь меня, полагая, будто моя тяга к тебе зиждется на некоем... извращенном любопытстве.

Ха, ты оскорбляешь самое себя, не замечая или же не желая замечать, что твоя пленительная красота и редкостная прелесть в состоянии заставить броситься на колени любого мужчину. Что очарование твоего взгляда...

– Слушай, Хотспорн, – прервала она, – уж не вознамерился ли ты переспать со мной?

– Какой интеллект! – развел он руками. – У меня прямо-таки слов не хватает.

– Ну, так я тебе помогу их подыскать. – Она слегка подогнала коня, чтобы взглянуть на купца сбоку. – Потому что у меня-то слов достаточно. Я чувствую себя польщенной. В любом другом случае – кто знает? Если б это был кто-нибудь другой, о! Но ты, Хотспорн, ты вообще мне не нравишься. Ничего, ну совсем, понимаешь ли, ничто меня в тебе не привлекает. И даже, я бы сказала, наоборот – все меня от тебя отталкивает. Ты должен понять, что в такой ситуации половой акт был бы актом, противным натуре.

Хотспорн рассмеялся, тоже подогнав коня. Вороная кобыла заплясала на просеке, красиво поднимая изящную голову. Цири завертелась в седле, борясь со странным чувством, которое вдруг ожило в ней, ожило где-то глубоко, в самом низу живота, но быстро и отчаянно рвалось наружу, на раздражаемую одеждой кожу. «Я сказала ему правду, – подумала она. – Он мне не нравится, черт побери, а нравится мне его лошадь, его вороная кобыла. Не он, а лошадь... Что за кретинизм! Нет, нет и нет! Даже если б и не Мистле, было б

смешно и глупо поддаться ему только потому, что меня возбуждает вид пляшущей на просеке вороной кобылы».

Хотспорн позволил ей подъехать, глядя ей в глаза и странно улыбаясь. Потом снова дернул поводья, заставил кобылу перебирать ногами, вертеться и делать балетные па вбок. «Знает, – подумала Цири, – знает, пройда, что я чувствую. Чертовщина! Да я просто-напросто любопытная!»

– Сосновые иголки, – мягко бросил Хотспорн, подъезжая очень близко и протягивая руку, – запутались у тебя в волосах. Я выну, если позволишь. Добавлю, что жест исключительно результат моей галантности, а не извращенного желания.

Прикосновение – ее это совсем не удивило – было ей приятно. Она еще далеко не решила, но на всякий случай подсчитала дни от последней менструации. Этому ее научила Йеннифэр – считать заранее, а не на горячую голову, потому что потом, когда становится жарко, возникает странное нежелание заниматься расчетами и думать о возможных последствиях.

Хотспорн глядел ей в глаза и улыбался, будто точно знал, что подсчет вышел в его пользу. «Будь он еще не такой старый, – вздохнула украдкой Цири. – Но ведь ему, пожалуй, под тридцать».

– Турмалин. – Пальцы Хотспорна нежно коснулись ее уха и серьги. – Красивые, но всего лишь турмалины. С удовольствием подарил бы тебе и вдел изумруды. Они много зеленее,

а значит, больше соответствуют твоей красоте и цвету глаз.

– Знай, – процедила она, нагло глядя на него, – что, если твоя возьмет, я потребую изумруды вперед. Потому как ты ведь не только лошадей трактуешь потребительски, Хотспорн. Утром, после упоительной ночи, ты решишь, что вспоминать мое имя – дело слишком претенциозное. Собачка Дружок, киска Мурка и девочка Марыська!

– Ну, гордыня! – неестественно рассмеялся он. – Ты можешь заморозить самое горячее желание, Снежная Королева.

– Я прошла хорошую школу.

Туман немного рассеялся, но по-прежнему было грустно и тоскливо. И сонно. Сонливость была грубо прервана криками и топотом. Из-за дубов, мимо которых они в этот момент проезжали, вырвались конники.

Цири и Хотспорн действовали так быстро и так слаженно, словно тренировались не одну неделю. Развернули лошадей, пошли с места в карьер, прижимаясь к гривам, подгоняя лошадей криком и ударами пяток. Над их головами зафурчали перья стрел, поднялся крик, звон, топот.

– В лес! – крикнул Хотспорн. – Сворачивай в лес! В чащобу!

Они помчались, не снижая скорости. Цири еще крепче прижалась к конской шее, чтобы хлещущие по плечам ветки не скинули ее с седла. Она увидела, как арбалетный болт от-

стрелил щепу от ствола ольхи. Криком подогнала лошадь, в любой момент ожидая удара стрелы в спину. Ехавший первым Хотспорн вдруг странно охнул.

Они перескочили через глубокую рытвину, сломя голову съехали по обрыву в тернистую чащу. И тут вдруг Хотспорн сполз с седла и рухнул в клюкву. Вороная кобыла заржала, взвизгнула, мотнула хвостом и помчалась дальше. Цири, не раздумывая, соскочила, хлопнула свою лошадь по крупу. Та последовала за вороной, Цири помогла Хотспорну подняться, и оба нырнули в кустарник, в ольховник, перевернулись, скатились по склону и свалились в высокие папоротники на дне яра. Мох смягчил падение.

Сверху по обрыву били копыта погони – к счастью, идущей по высокому лесу за убегающими лошадьми. Их исчезновение в папоротниках, казалось, не заметили.

– Кто такие? – прошипела Цири, выкарабкиваясь из-под Хотспорна и вытряхивая из волос помятые сыроежки. – Люди префекта? Варнхагены?

– Обычные бандиты... – Хотспорн выплюнул листок. – Грабители...

– Предложи им амнистию, – скрипнула песком на зубах Цири. – Пообещай им...

– Помолчи. Еще услышат, чего доброго.

– Эге-гей! Ого-го! Зде-е-ея! – долетало сверху. – Слева заходи! Сле-е-ева!

– Хотспорн?

– Что?

– У тебя кровь на спине.

– Знаю, – ответил он холодно, вытягивая из-за пазухи сверток полотна и поворачиваясь к ней боком. – Затолкай мне под рубашку. На высоте левой лопатки...

– Куда ты получил? Не вижу стрелы...

– Это был арбалет... Железный болт... скорее всего обрубленный подковный гвоздь. Оставь, не трогай. Это рядом с позвоночником...

– Дьявольщина! Что же делать?

– Вести себя тихо. Они возвращаются.

Застучали копыта, кто-то пронзительно свистнул. Кто-то верещал, призывал, приказывал кому-то возвращаться. Цирь прислушалась.

– Уезжают, – проворчала она. – Отказались от погони. И коней не поймали.

– Это хорошо.

– Мы их тоже не поймаем. Идти сможешь?

– Не придется, – усмехнулся он, показывая ей застегнутый на запястье довольно пошло выглядывший браслет. – Я купил эту безделушку вместе с лошастью. Она магическая. Кобыла носила ее со стригункового возраста. Если потерять, вот таким макаром, – все равно что ее позвать. Она словно слышит мой голос. Прибежит. Не сразу, но прибежит наверняка. А если немного повезет, то и твоя пегашка прибежит вместе с ней.

– А если немного не повезет? Уедешь один?

– Фалька, – сказал он посерьезнев. – Я не уеду один, я рассчитываю на твою помощь. Меня придется поддерживать в седле. Пальцы ног у меня уже немеют. Я могу потерять сознание. Послушай: овраг приведет тебя к пойме ручья. Поедешь вверх по течению, на север. Отвезешь меня в местность под названием Тегамо. Там найдешь человека, который сумеет вытащить железку из спины, не убив при этом и не парализовав.

– Это близко?

– Нет. Ревность ближе. Котловина милях в двадцати в противоположной стороне, вниз по течению. Но туда не надо ехать ни в коем случае.

– Почему?

– Ни в коем случае, – повторил он, поморщившись. – Тут дело не во мне, а в тебе. Ревность – для тебя смерть.

– Не понимаю.

– И не надо. Просто поверь мне.

– Гиселеру ты сказал...

– Забудь о Гиселере. Если хочешь жить, забудь о них о всех.

– Почему?

– Останься со мной. Я сдержу обещание, Снежная Королева. Украшу тебя изумрудами... Осыплю ими...

– Да уж, ничего не скажешь, самое время шутковать.

– Шутить никогда не поздно.

Хотспорн вдруг обнял ее, прижал плечом и принялся расстегивать блузку. Бесцеремонно, но не спеша Цири оттолкнула его руку.

– Действительно! Нашел же время!

– Для этого любое время хорошо. Особенно для меня, сейчас. Я тебе сказал, это позвоночник. Завтра могут возникнуть трудности... Что ты делаешь? Ах, холера тебя...

На этот раз она оттолкнула его сильнее. Слишком сильно. Хотспорн побледнел, закусил губу, застонал.

– Прости. Но если человек ранен, ему положено лежать спокойно.

– Близость твоего тела заставляет меня забыть о боли.

– Перестань, черт тебя побери!

– Фалька... Будь снисходительной к страдающему человеку.

– Будешь страдающим, если руки не уберешь! Ну, быстро!

– Тише... Бандиты могут нас услышать... Твоя кожа как атлас... Не крутись, черт побери!

«А, хрен с ним, – подумала Цири, – будь что будет. В конце концов, что за важность? А интересно. Я имею право быть любопытной. Какие уж тут чувства? Взгляну на это мероприятие потребительски, вот и все. И беспретенциозно забуду».

Она подчинилась прикосновениям и удовольствию, которое они принесли. Отвернула голову, но сочла это излишне скромным и обманчиво ханжеским – не хотела, чтобы он решил, будто соблазнил невинность. Взглянула ему прямо

в глаза, но ей это показалось слишком смелым и вызывающим – такой она тоже не хотела казаться. Поэтому просто прикрыла глаза, обняла его за шею и помогла разделаться с пуговичками, потому что у него дело шло туго и он только напрасно терял время.

К прикосновениям пальцев добавилось прикосновение губ. Она уже была близка к тому, чтобы забыть обо всем на свете, когда Хотспорн вдруг замер. Несколько секунд она терпеливо выжидала, помня, что он ранен и рана должна ему мешать. Но все слишком уж затягивалось. Его слюна застыла у нее на сосках.

– Эй, Хотспорн! Уснул, что ли?

Что-то потекло ей на грудь и бок. Она прикоснулась пальцами. Кровь.

– Хотспорн! – Она столкнула его с себя. – Хотспорн, ты умер?

«Глупый вопрос, – подумала она. – Я же вижу. Я же вижу, что он мертв».

– Он умер, положив голову мне на грудь. – Цири отвернулась. Угольки в камине полыхнули красным, порозовили ее покалеченную щеку. Возможно, был там и румянец. Впрочем, в этом Высогота уверен не был.

– Единственное, что я тогда чувствовала, – добавила она, по-прежнему отвернувшись, – это разочарование. Тебя это шокирует?

– Нет. Как раз это-то – нет.

– Понимаю. Я стараюсь не разукрашивать рассказ, ничего не исправлять. Ничего не утаивать. Хотя порой такое желание возникает, особенно касательно утайки. – Она шмыгнула носом, покрутила согнутым пальцем в уголке глаза. – Я привалила его ветками и камнями. Стемнело, мне пришлось там заночевать. Бандиты все еще крутились окрест, я слышала их крики и была почти уверена, что это не простые бандюги. Я только не знала, на кого они охотились: на меня или на него. Однако вынуждена была сидеть тихо. Всю ночь. До рассвета. Около трупa. Бррр.

– На рассвете, – немного помолчав, продолжала она, – от погони не осталось ни слуху ни духу, и можно было отправляться. Лошадь у меня уже была. Волшебный браслет, который я сняла с руки Хотспорна, и впрямь действовал. Ворона вернулась. Теперь она была моей. Это был мой приз. Есть такой обычай на Островах Скеллиге, знаешь? От первого любовника девушке полагается дорогой подарок. Ну, какая разница, что мой-то умер, так и не успев стать первым?

Кобыла топнула передними копытами о землю, заржала, стала боком, словно повелев любоваться собой. Цири не могла сдержать вдоха восхищения при виде ее небольшой изящной головы с выпуклым лбом, сидящей на гибкой шее морского льва с прекрасно вырисовывающимися мускулами, высокой холки, всего тела, изумляющего своей пропорцио-

нальностью.

Она осторожно подошла, показывая кобыле браслет на запястье. Кобыла протяжно фыркнула, прижала подвижные уши, но позволила схватить себя за трензеля и погладить по бархатистому носу.

– Кэльпи, – сказала Цири. – Ты черная и гибкая, как морская кэльпи. Ты изумительна и волшебна, как кэльпи. Вот и будет тебе имя – Кэльпи. И мне все равно – претенциозно это или нет.

Кобыла зафыркала, поставила уши торчком, тряхнула шелковистым хвостом, достигающим до самых бабок. Цири, обожающая высокую посадку, подтянула стремянные ремни, протерла нетипичное плоское седло без арчака и передней луки. Подогнала сапог к стремени и ухватила лошадь за гриву.

– Спокойно, Кэльпи.

Седло вопреки ожиданию было вполне удобным. И по понятным причинам гораздо более легким, чем обычное кавалерийское с высокими луками.

– Ну а теперь, – сказала Цири, похлопывая лошадь по горячей шее, – посмотрим, такая ли ты резвая, как красивая. Настоящий ли ты скакун, или всего лишь парадная лошадка. Что скажешь относительно двадцати миль галопа, Кэльпи?

Если б глубокой ночью кто-нибудь исхитрился тихарем подобраться к затерявшейся среди топей хате с провалив-

шейся и обросшей мхом стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы седобородого старика, слушающего повествование девушки с зелеными глазами и пепельными волосами.

Он увидел бы, как догорающие поленья в камине оживают и светлеют, словно в предчувствии того, что услышат.

Но это было невозможно. Никто не мог этого увидеть. Хата старого Высоготы была хорошо укрыта среди камышей на болоте. На вечно затянутом туманами безлюдье, на которое никто не отваживался заходить.

– Пойма ручья была ровной, пригодной для езды, поэтому Кэльпи летела словно вихрь. Конечно, ехала я не вверх по течению, а вниз. Я помнила это довольно странное название: «Ревность». Вспомнила, что Хотспорн говорил на станции Гиселеру. Поняла, почему он предостерегал меня. В Ревности была ловушка. Когда Гиселер отмахнулся от предложения, касающегося амнистии и работы на гильдию, Хотспорн сознательно напомнил о расположившемся в поселке охотнике за наградами. Он знал, на какую приманку Крысы клюнут, знал, что поедут туда и попадут в капкан. Мне необходимо было добраться до Ревности раньше них, перерезать им дорогу, предупредить. Завернуть. Всех. Или хотя бы только Мистле.

– Насколько я понял, – проворчал Высогота, – из этого ничего не получилось.

– Тогда, – сказала она глухо, – я считала, что в Ревности ожидает вооруженный до зубов многочисленный отряд. Я и подумать не могла, что засада – всего лишь один человек.

Она умолкла, глядя в темноту.

– И понятия не имела, что это за человек. Какой это человек.

Бирка когда-то была селом богатым, красивым и живописно расположенным – ее желтые крыши и красные черепицы плотно заполняли котловину с крутыми лесистыми склонами, меняющими цвет в зависимости от времени года. Особенно осенью Бирка радовала взгляд и впечатлительное сердце.

Так было до тех пор, пока поселок не сменил названия. А получилось это так: молодой кмет, эльф из ближнего эльфьего поселения, был насмерть влюблен в мельникову дочку из Бирки. Кокетка-дочка высмеяла притязания эльфа и продолжала «общаться» с соседями, знакомыми и даже родственниками. Те стали подтрунивать над эльфом и его слепой как у крота любовью. Эльф – что довольно нетипично для эльфов – вспылал гневом и жадой мести, причем вспылал чрезмерно. Однажды ветреной ночью он подкинул огонь и спалил всю Бирку.

Потерявшие практически все погорельцы пали духом. Одни пошли по миру, другие перестали работать и запили. Деньги, которые собирали на восстановление, постоян-

но растрачивались и пропивались, и теперь богатое некогда поселение являло собой образец нищеты и отчаяния, стало сборищем уродливых и кое-как сляпанных халуп под голым и начерно обгоревшим склоном котловин. До пожара у Бирки была овальной формы центральная рыночная площадь, теперь же из немногочисленных более или менее прилично восстановленных домов, амбаров и винокурен выстроилось что-то вроде длинной улочки, которую замыкал фасад поставленного совместными усилиями постоянного двора и трактира «Под головой химеры», который содержала вдова Гулё.

И уже семь лет никто не пользовался названием «Бирка». Говорили «Пылкая Ревность», для сокращения – просто «Ревность».

По улице Ревности ехали Крысы. Стояло холодное, облачное, хмурое утро. Люди скрывались в домах, прятались в сараях и мазанках. У кого были ставни – тот с треском захлопывал их, у кого были двери – тот запирал их и подпирал изнутри колом. У кого еще оставалась водка, тот пил для куражу. Крысы ехали шагом, демонстративно медленно, стремя в стремя. На их лицах лежало безграничное презрение, но прищуренные глаза внимательно рассматривали окна, навесы и углы строений.

– Один болт из арбалета, – громко предостерег на всякий случай Гиселер. – Один щелчок тетивы – и начнем резать!

– И еще раз пустим здесь красного петуха! – добавила

звучным сопрано Искра. – Оставим чистую землю и грязную воду!

У некоторых жителей наверняка были самострелы, но не нашлось такого, кто захотел бы проверить, не болтают ли Крысы на ветер.

Крысы слезли с лошадей. Отделяющую их от трактира «Под головой химеры» четверть стае прошли пеше, бок о бок, ритмично позванивая и бренча шпорами, украшениями и бижутерией.

Со ступеней трактира, увидев их, смылись трое ревнюков, гасивших вчерашнее похмелье пивом.

– Хорошо, если б он был еще здесь, – буркнул Кайлей. – Шляпанули мы. Нечего было тянуть, надо было гнать сюда хотя бы ночью...

– Балда, – ощерилась Искра. – Если мы хотим, чтобы барды о нас песни слагали, то нельзя было делать этого ночью, впотьмах. Люди должны видеть! Лучше всего – утром, пока еще все трезвые, верно, Гиселер?

Гиселер не ответил. Он поднял камень и с размаху засадил им в дверь трактира.

– Вылезай, Бонарт!

– Выползай, Бонарт! – хором подхватили Крысы. – Выползай, Бонарт!

Внутри слышались шаги. Медленные и тяжелые. Мистле почувствовала пробежавшую по спине дрожь.

В дверях появился Бонарт.

Крысы невольно отступили на шаг, каблуки высоких сапог уперлись в землю, руки ухватились за рукояти мечей. Охотник за наградами держал свой меч под мышкой в ножнах. Таким образом, у него были свободные руки – в одной очищенное от скорлупы яйцо, в другой – кусок хлеба.

Он медленно подошел к поручням, взглянул на Крыс сверху, свысока. Он стоял на крыльце, да и сам был велик. Огромен, хоть и тощ, как гуль.

Он глядел на них, водил водянистыми глазами от одного к другому. Потом откусил сначала кусочек яйца, потом кусочек хлеба.

– А где Фалька? – спросил невнятно. Крошки желтка ссыпались у него с усов и губ.

– Гони, Кэльпи! Гони, красавица! Гони что есть мочи!

Вороня кобыла громко заржала, вытянула шею в сумасшедшем галопе. Щебенка градом летела из-под копыт, хотя казалось, что копыта едва касаются земли.

Бонарт лениво потянулся, скрипнул кожаной курткой, медленно натянул и старательно расправил лосевые перчатки.

– Как же так? – скривился он. – Убить меня хотите? И за что же?

– А за Мухомора, чтоб далеко не ходить, – ответил Кайлей.

– И веселья ради, – добавила Искра.

– И для собственного спокойствия, – подкинул Рееф.

– А-а-а, – медленно протянул Бонарт. – Вон оно, значит, в чем дело-то! А ежели я пообещаю оставить вас в покое, отстанете?

– Не-а, пес паршивый, не отстанем, – обольстительно улыбнулась Мистле. – Мы тебя знаем. Знаем, что ты не отлипнешь, будешь тащиться следом и ждать okazji тыркнуть кого-нибудь из нас в спину. Выходи!

– Помаленьку! Помаленьку! – Бонарт усмехнулся, зловеще растягивая губы под седыми усами. – Поплясать мы всегда успеем. Чего понапрасну возбуждаться-то? Для начала послушайте мое предложение, Крыси. Предлагаю выбор, а уж вы поступите по своему разумению.

– Ты чего бормочешь, старый гриб? – крикнул Кайлей, горбатясь. – Говори ясней.

Бонарт покачал головой и почесал ягодицу.

– Награда за вас назначена, Крыси. Немалая. А жить-то надо.

Искра фыркнула на манер лесного кота, по-кошачьи раскрывая глаза. Бонарт скрестил руки на груди, переложив меч на сгиб локтя.

– Немалая, говорю, награда за мертвых. За живых чуток поболе. Поэтому мне, честно говоря, все едино. Лично против вас я ничего не имею. Еще вчера думал, что прикончу вас просто так, интереса и веселья ради. Но вы пришли сами,

сэкономили мне время и силы и тем прямо за самое сердце меня взяли. Поэтому позволю вам выбирать. Как хотите, чтобы я вас взял: по-доброму или по-злему?

На скулах Кайлея заходили желваки. Мистле наклонилась, приготовилась к прыжку. Гиселер схватил ее за плечо.

– Он хочет нас раззадорить, – прошипел он. – Пусть болтает, каналья!

Бонарт прыснул.

– Ну? – повторил он. – Так как: по-доброму или по-злему? Я, к примеру, советую первое. Потому как, понимаете, по-доброму га-а-а-раздо меньше больно.

Крысы как по команде выхватили оружие. Гиселер махнул клинком крест-накрест и замер в позиции фехтовальщика. Мистле сочно сплюнула.

– А ну, иди сюда, костяное чучело, – сказала она внешне спокойно. – Иди, подлюга. Прикончим, как старого, седого, завшивевшего пса.

– Стало быть, предпочитаете по-плохому. – Бонарт, глядя куда-то поверх крыш домов, медленно вытянул меч, отбросив в сторону ножны. Не спеша спустился с приступочек, позвякивая шпорами.

Крысы быстро расположились поперек улочки. Кайлей отошел дальше всех влево, почти к стене винокурни. Рядом с ним встала Искра, кривя тонкие губы в присущей ей страшной ухмылке. Мистле, Ассе и Рееф отошли вправо, Гиселер остался посередине, поглядывая на охотника за наградами из

под прищур.

— Ну, лады, Крыси. — Бонарт осмотрелся по сторонам, глянул в небо, потом поднял меч и поплевал на острие. — Коль пошла такая пляска... А ну, музыка! Играй!

Они бросились друг на друга, словно волки, мгновенно, тихо, без предупреждения. Запели в воздухе клинки, заполняя улочку стоном стали. Вначале были слышны только удары клинков, вздохи, стоны и ускоренное дыхание.

А потом неожиданно и вдруг Крысы начали кричать. И умирать.

Рееф вылетел из клубка первым, треснулся спиной о стену, брызжа кровью на грязно-белую известку. За ним нетвердым шагом выкатился Ассе, согнулся и упал на бок, попеременно сгибая и разгибая колени.

Бонарт вертелся и прыгал как волчок, окруженный мерцанием и свистом клинка. Крысы пятились от него, подскакивали, делая выпады и отпрыгивая, яростно, заядло, безжалостно и... безрезультатно. Бонарт парировал, рубил, нападал, непрерывно атаковал, не давал передышки, навязывал темп. А Крысы отступали. И умирали.

Искра, получив в шею, упала в грязь, свернувшись клубком, как кошка, кровь из артерии брызнула на лодыжки и колени переступавшего через нее Бонарта. Охотник широким взмахом отразил выпад Мистле и Гиселера, развернулся и молниеносным ударом разделал Кайлея от ключицы до бедра, ударив его самым концом меча. Кайлей выпустил меч,

но не упал, только согнулся и обеими руками схватился за грудь и живот, а из-под ладоней хлестала кровь. Бонарт снова увернулся от удара Гиселера, парировал нападение Мистле и рубанул Кайлея еще раз. Размозжил ему висок. Светловолосый Крыс упал в лужу собственной крови, смешанной с грязью.

Мистле и Гиселер замерли на мгновение, но вместо того чтобы бежать, заорали в один голос, дико и бешено. И кинулись на Бонарта.

Кинулись и нашли свою смерть.

Цири влетела в поселок и помчалась галопом по улочке. Из-под копыт вороной кобылы полетели брызги грязи.

Бонарт пнул каблуком Гиселера, лежавшего у стены. Главарь Крыс не подавал признаков жизни. Из разрубленного черепа уже перестала вытекать кровь.

Мистле, стоя на коленях, искала меч, шаря обеими руками по грязи и не видя, что ползает в быстро растущей луже крови. Бонарт медленно подошел к ней.

– Не-е-е-е-е!!!

Охотник поднял голову.

Цири с ходу соскочила с лошади, завертелась, упала на одно колено.

Бонарт усмехнулся.

– Крысеха, – сказал он. – Седьмая Крысеха. Хорошо, что

ты здесь. Тебя-то мне и недоставало для комплекта.

Мистле нащупала меч, но не в состоянии была его поднять. Она захрипела и, кинувшись под ноги Бонарта, дрожащими пальцами вцепилась в голенища его сапог. Раскрыла рот, чтобы крикнуть, но вместо крика из ее глотки вырвалась блестящая карминовая струя. Бонарт сильно ударил ее, свалив в навоз. Однако Мистле, обеими руками держась за распоротый живот, сумела все-таки подняться снова.

– Неееее! – крикнула Цири. – Мистлеее!!!

Охотник за наградами не обратил внимания на ее крик, даже головы не повернул, а завертел мечом и ударил размашисто, как косой, жутким ударом, который подхватил Мистле с земли и бросил на стену, словно мягкую тряпичную куклу, будто замаранный красным лоскут.

Крик увяз в горле Цири. Руки тряслись, когда она хваталась за меч.

– Убийца, – прошипела она сквозь стиснутые зубы, поражаясь, как чуждо прозвучал собственный голос. Чужие губы вдруг стали чудовищно сухими. – Убийца! Мразь!

Бонарт, слегка наклонив голову, с интересом рассматривал ее.

– Будем помирать?

Цири шла к нему, обходя его полукругом. Меч в поднятых и выпрямленных руках двигался, обманывал, вводил в заблуждение.

Охотник за наградами громко рассмеялся.

– Умирать! – повторил он. – Крысиха решила умереть.

Он поворачивался медленно, не сходя с места, не давая поймать себя в обманную ловушку полукруга. Но Цири было все равно. Она кипела от ярости и ненависти, дрожала от жажды убийства, стремилась достать этого страшного старика, почувствовать, как клинок врезается в его плоть. Хотела увидеть его кровь, хлещущую из рассеченных вен в ритме последних ударов сердца.

– Ну, Крысиха. – Бонарт поднял испачканный меч и плюнул на острое. – Прежде чем подохнешь, покажи, на что ты способна. Давай, музыка, играй!

– Ей-богу, не знаю, как получилось, что они не прикончили друг дружку в первом же бою, – рассказывал спустя шесть дней Никляр, сын гробовщика. – Видать, здорово хотели позабавить. Да и оно видно было. Она его, он ее. Налетели дружка на дружку, столкнулись мгновенно, и пошел сплошной звон от мечей-то. Может, двумя, может, тремя ударами обменялись. Некому было считать-то ни глазом, ни ухом. Так шибко бились, уважаемый, что глаз человеческий аль ухо не ловили того. А плясали и скакали дооколо себя словно твои две ласки!

Стефан Скеллен по прозвищу Филин слушал внимательно, поигрывая нагайкой.

– Отскочили дружка от дружки, – тянул парень, – а ни на ей, ни на ём – ни царапинки. Крысиха-то была, видать,

злющая как сам черт, а уж шипела не хуже котища, когда у его хочут мышь отобрать. А милсдарь господин Бонарт был совсем спокойным.

– Фалька, – сказал Бонарт, усмехаясь и показывая зубы, как настоящий гуль. – Ты и верно умеешь плясать и мечом вертеть! Ты меня заинтересовала, девушка. Кто ты такая? Скажи, прежде чем умрешь.

Цири тяжело дышала. Чувствовала, как ее начинает охватывать ужас. Поняла, с кем имеет дело.

– Скажи, кто ты такая, и я подарю тебе жизнь.

Она крепче стиснула рукоять. Необходимо было пройти сквозь его выпады, парирования, рубануть его прежде, чем он успеет заслониться. Нельзя было допустить, чтобы он отбивал ее удары, нельзя было и дальше принимать на свой меч его меч, испытывать боль и надвигающийся паралич, который пронизывал ее насквозь и заставлял костенеть при его выпадах локоть и предплечье. Нельзя было растрачивать энергию на пустые уверты от его ударов, проходящих мимо не больше чем на толщину волоса. «Я заставлю его промахнуться, – подумала она. – Сейчас. В этой стычке. Или умру».

– Ты умрешь, Крысиха, – сказал он, идя на нее с выставленным далеко вперед мечом. – Не боишься? Все потому, что не знаешь, как выглядит смерть.

«Каэр Морхен, – подумала она, отскакивая. – Ламберт. Гребень. Сальто».

Она сделала три шага и пируэт, а когда он напал, отмахнувшись от финта, она крутанула сальто назад, упала в полуприсест и тут же рванулась на него, поднырнув под его клинок и выворачивая сустав для удара, для страшного удара, усиленного мощным разворотом бедер. И тут ее неожиданно охватила эйфория, она уже почти чувствовала, как острие вгрызается ему в тело.

Но вместо этого был лишь жесткий, стонущий удар металла о металл. И неожиданная вспышка в глазах. Удар и боль. Она почувствовала, что падает, почувствовала, что упала. «Он парировал и отвел удар, – подумала она. – Я умираю».

Бонарт пнул ее в живот. Вторым пинком, точно и болезненно нацеленным в локоть, выбил у нее из рук меч. Цирри схватилась за голову, она чувствовала тупую боль, но под пальцами не было раны и крови. «Он ударил кулаком, – зло подумала она. – Я просто получила кулаком. Или головкой меча. Он не убил меня. Отлупцевал как соплячку».

Она открыла глаза.

Охотник стоял над ней, страшный, худой как скелет, возвышающийся как большое безлистное дерево. От него разлило потом и кровью.

Он схватил ее за волосы на затылке, поднял, заставил встать, но тут же рванул, выбивая землю из-под ног, и потащил, орущую как осужденная на вечные муки, к лежащей у стены Мистле.

– Не боишься смерти, да? – буркнул он, прижимая ее го-

лову к земле. – Так погляди, Крысиха. Вот она – смерть. Вот так умирают. Погляди, это кишки. Это кровь. А это – говно! Вот что у человека внутри.

Цири напружинилась, согнулась, вцепившись в его руку, зашла в сухом позыве. Мистле еще жила, но глаза уже затянул туман, они уже стекленели, стали рыбьими. Ее рука, будто ястребиный коготь, сжималась и разжималась, зарывшись в грязь и навоз. Цири почувствовала резкую, пронизывающую вонь мочи. Бонарт залился хохотом.

– Вот так умирают, Крысиха. В собственном дерьме и кишках!

Он отпустил ее. Она упала на четвереньки, сотрясаемая сухими, отрывистыми рыданиями. Мистле была рядом. Рука Мистле, узкая, нежная, мягкая, умная рука Мистле...

Она уже не шевелилась.

– Он не убил меня. Привязал к коновязи за обе руки.

Высогота сидел неподвижно. Он сидел так уже долго. Даже сдерживал дыхание. Цири продолжала рассказ, ее голос становился все глуше, все неестественнее и все неприятнее.

– Он приказал сбежавшимся принести ему мешок соли и бочонок уксуса. И пилу. Я не знала... Не могла понять, что он надумал... Тогда еще не знала, на что он способен. Я была привязана... к коновязи... Он крикнул каких-то челядников, приказал им держать меня за волосы... и не давать закрыть глаза. Показал им, как... Так, чтобы я не могла ни вернуться, ни зажмуриться... Чтобы видела все, что он делает. «Надобно позаботиться, чтобы товар не протух, – сказал он. – Чтобы не разложился!...»

Голос Цири надломился, сухо увяз в горле. Высогота, неожиданно поняв, что сейчас услышит, почувствовал, как слюна заполняет ему рот.

– Он отрезал им головы, – глухо сказала Цири. – Пилой. Гиселеру, Кайлею, Ассе, Реефу, Искре... И Мистле. Отпиливал им головы... Поочередно. У меня на глазах.

Если б в ту ночь кто-нибудь сумел подкрасться к затерянной среди трясин хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел

бы в скупо освещенной комнатухе седобородого старика в кожане и пепельноволосую девушку с лицом, изуродованным шрамом во всю щеку. Увидел бы, как девушка содрогаеца от плача, как всхлипывает, как бьется в руках старика, а тот пытается ее успокоить, неловко и машинально глядя и похлопывая по содрогающимся в спазмах плечам.

Но это было невозможно. Никто не мог этого увидеть. Хата была хорошо спрятана среди камышей на болоте. На вечно покрытом туманами безлюдье, на которое никто не отваживался заглядывать.

Глава третья

Часто мне задавали вопрос, как получилось, что я решил записывать свои воспоминания. Многих, казалось, интересовал тот момент, когда начали возникать мои мемуары, какой именно факт, событие или же явление сопутствовали началу записей либо дали толчок к ним. Сначала я давал разные пояснения и частенько лгал, однако же теперь предпочитаю писать правду, поскольку сегодня, когда волосы мои поседели и заметно поредели, я знаю, что правда есть ценное зерно, ложь же – ни на что не годные плевелы.

А правда такова: событием, которое дало всему начало и которому я обязан первой записью, из коих впоследствии начал формироваться труд моей жизни, было то, что я совершенно случайно нашел клочок бумаги и обломок свинцового карандаша среди вещей, которые я и мои друзья позаимствовали из лирийских военных лагерей. Случилось это...

Лютик

Полвека поэзии

Случилось это спустя пять дней после сентябрьского новолуния, точно на тридцатый день нашего похода, считая с момента, когда мы покинули Брокилон, и на шестой день после Битвы на Мосту.

Сейчас, любезные мои будущие читатели, я немного от-

ступлю во времени и опишу события, кои имели место непосредственно после достославной и чреватой последствиями Битвы на Мосту. Однако вначале я ознакомлю с событиями то, уверен, неисчислимо множество читателей, кои о Битве на Мосту ничего не знают, то ли в силу иных интересов, то ли по причине общей невежественности. Разъясняю: оная Битва имела место быть в последний день августа Года Великой Войны в Ангрене, на мосту, стягивающем два берега реки Яруги в районе поселения, именуемого Красная Биндюга. Сторонами вышеупомянутого вооруженного конфликта были: армия Нильфгаарда с одной стороны и лирийский корпус под командованием королевы Мэвы с другой и мы, то есть мужественная команда – я, нижеподписавшийся, а также ведьмак Геральт, вампир Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой, лучница Мильва и Кагыр Маур Дыфффин аэп Кеаллах, нильфгаардец, не перестающий с упорством, достойным лучшего применения, утверждать, будто он и не нильфгаардец вовсе.

Тебе, читатель, также может быть непонятно, откуда в Ангрене взялась королева Мэва, о которой в то время шел слух, будто она со своей армией погибла во время нильфгаардской июльской инкурсии на Лирию, Ривию и Аэдирн, приведшей к полному захвату этих стран и их оккупации имперскими войсками. Однако же Мэва не погибла, как предполагали, в бою и не попала в нильфгаардский плен. Собрав под свои знамена крупный отряд конников из уцелевшего ли-

рийского войска, а также наемников и обычных бандитов, доблестная Мэва развернула партизанскую войну против нильфгаардцев. А для такой войны дикий Ангрен был идеальным местом – можно было и из засады ударить, и затаиться где-нибудь в лесах и перелесках, потому как в Ангрене с лесами все в порядке. Правду сказать, кроме лесов-то, в той стране ничего и нету. Что следует отметить особо.

Отряд Мэвы, к тому времени именуемый не иначе как Армией Белой Королевы, быстро набирал силы и такой лихости, что ухитрился бесстрашно переправиться на левый берег Яруги, дабы там, на глубоких тылах противника, скакать и носиться вдоволь.

И теперь мы возвращаемся к нашим баранам, в смысле к Битве на Мосту. Тактическая ситуация складывалась निжеследующим образом: партизаны королевы Мэвы, пошумев на левом берегу Яруги, захотели перебраться на правый берег, но налетели на нильфгаардцев, разбойничавших на правом берегу той же Яруги, которую, кстати, именовали, смешно подумать, Яррой. На вышепоименованных направились мы с центральной позиции, то есть с самой середины реки Яруги, с обеих сторон – и левой, и правой – какими-то неизвестными нам в то время вооруженными людьми окруженные. Не имея по сему случаю возможности куда-либо ретироваться, мы проявили невиданный героизм и покрыли себя неувядаемой славой. Битву, кстати сказать, выиграли лирийцы, поскольку им таки удалась их стратегиче-

ская задумка, то бишь бегство на правый берег. Нильфгаардцы сбежали в неизвестном направлении и тем самым бой проиграли. Я, конечно, понимаю, что все это звучит несколько конфузно и по-любительски, и не упущу возможности перед опубликованием записок проконсультировать текст с каким-либо военным теоретиком. Сейчас же я опираюсь на авторитет Кагыра аэп Кеаллаха, единственного солдата в нашей команде. Кагыр же утверждает, что одержание победы методом своевременной ретирады с поля боя допускает большинство милитарных доктрин.

Участие нашей команды в битве, бесспорно, достойное всяческой похвалы, однако имело и негативные последствия. С Мильвой, которая была в интересном положении, произошел несчастный случай. У нее случился выкидыш. Остальным повезло, ибо никто не получил серьезных повреждений. Но никто же ни почестей не дождался, ни даже благодарности, за исключением ведьмака Геральта, поскольку ведьмак Геральт, вопреки неоднократным – и явно ошибочным – заявлениям о своей индифферентности и не менее же неоднократно декларируемой нейтральности, в Битве продемонстрировал прыть столь же великую, сколь и чрезмерно эффективную, иными словами, бился воистину показательно, если не сказать – театрально. Его заметили, и Мэва, королева Лирии, собственной десницей свершила над ним акколаду, посвятив его в рыцари. От этой почести, как вскоре оказалось, было больше неприятности, нежели авантюра.

Ибо следует тебе знать, любезный читатель, что ведьмак Геральт всегда был личностью скромной, рассудительной и выдержанной, поведения прямого и неусложненного наподобие ратовища алебарды или вил. Однако неожиданное вознесение и кажущаяся милость королевы Мэвы заметно его изменили, и не знай я его лучше, то сказал бы, что он возгордился и, вместо того чтобы побыстрее и незаметнее сойти со сцены, болтался в королевской свите, ликовал, купался в лучах славы и королевской милости.

А нам слава и популярность нужны были менее всего. Тем, кто подзабыл, напоминаю, что тот же самый ведьмак Геральт из Ривии, волею королевы Мэвы ставший ныне рыцарем Геральтом Ривским, преследовался органами безопасности всех Четырех Королевств, что было связано с бунтом мажиков на острове Танедд. Меня, человека невинного и чистого как слеза ребенка, пытались обвинить в шпионаже. Сюда же следует отнести Мильву, сотрудничавшую с дриадами и скоя'таэлями и причастную, как оказалось, к известной резне на границах леса Брокилон. Не остался в стороне и Кагыр азп Кеаллах, нильфгаардец, подданный, как ни говори, враждебного государства, присутствие которого на несвойственной ему стороне фронта объяснить и оправдать было бы непросто. В общем, все складывалось так, что единственным членом нашей команды, биографию которого не подмочили ни политические, ни криминальные деяния, был вампир. Таким образом, раскрытие и выявление

ние кого-либо из нас грозило всем остальным, мягко выражаясь, насаждением на острые осиновыя колья. Каждый день, проведенный – вначале, впрочем, с приятностью, сыто и беспечно – под сенью лирийских штандартов, повышал риск материализации вышесказанного.

Геральт, которому я на это категорично указал, слегка посмурнел, но не замедлил высказать свои соображения, коих оказалось два. Во-первых, Мильве после случившегося с ней все еще требовались присмотр и опека, а при армии имелись фельдшеры. Во-вторых, армия королевы Мэвы направлялась на восток, в сторону Каэд Дху, а наша компания, прежде чем сменить направление и влипнуть в вышеописанную историческую битву, тоже двигалась в Каэд Дху – у проживающих там друидов мы надеялись получить сведения, которые могли бы помочь найти Цири. С прямого пути к друидам нас вынудили свернуть буйствовавшие в Ангрене разъезды и никому не подчиняющиеся банды. Теперь, под защитой дружественной лирийской армии, при милости и доброжелательности королевы Мэвы, дорога на Каэд Дху была нам открыта, более того, казалась простой и безопасной.

Я упреждал ведьмака, что это всего лишь видимость, что королевская милость может обернуться своей тыльной стороной. Ведьмак слушать не пожелал. А кто оказался прав, скоро стало ясно всем. Как только разошлась весть, что с востока, от перевала Кламат, идет на Ангрен мощная нильфгаардская карательная экспедиция, вой-

ско Лирии не мешкая завернуло на север, к горам Махакама. Геральту, как нетрудно догадаться, такой финт вовсе не улыбался – он спешил к друидам, а не в Махакам! Наивный, словно ребенок, он помчался к королеве Мэве, намереваясь получить увольнение из армии и королевское благословение его личных интересов. И в тот же момент окончились королевская любовь и благожелательность, а уважение и восхищение героем Битвы за Мост развеялись как дым. Рыцарю Геральту Ривскому холодно и твердо напомнили об его рыцарских обязанностях перед королевой. Все еще слабую Мильву, вампира Региса и нижеподписавшегося велено было незамедлительно включить в колонну тащившихся за армией беженцев и штатских. Кагыр аэп Кеаллах, рослый юноша, который ну никак уж на штатского не смахивал, был препоясан бело-голубым шарфом и включен в так называемую вольную команду, то есть подразделение кавалерии, составленное из хулиганов и бродяг, подбираемых на дорогах лирийским корпусом. Таким образом, нас разделили, и походило на то, что наша экспедиция зачахла – прошу простить за вульгаризм – окончательно и бесповоротно.

Однако, как ты догадываешься, дорогой читатель, это вовсе не был конец, более того, это не было даже начало! Мильва, узнавшая о развитии событий, тот же час назвалась здоровой и дееспособной и первой призвала к бегству. Кагыр сунул в кусты шарф с королевскими цветами и сбежал из вольной команды на волю, а Геральт выскользнул из

роскошных шатров первосортного рыцарства.

Не стану разбрасываться по мелочам, а врожденная скромность не позволяет мне чрезмерно выпячивать свои собственные – немалые – заслуги в описываемом мероприятии. Отмечу лишь факт: в ночь с пятого на шестое сентября наша команда втихую покинула корпус королевы Мэвы. Прежде чем распрощаться с лирийским войском, мы не преминули обильно экипироваться, не спрашивая, разумеется, на то согласия квартирмейстерской службы. Слово «грабеж», кое употребила Мильва, я воспринимаю как чересчур крепкое. Ведь в принципе нам полагалось какое-никакое вознаграждение за участие в достопамятной Битве за Мост. А если не вознаграждение, то хотя бы компенсация и возмещение понесенных убытков! Умалчивая о трагическом происшествии с Мильвой, синяках и ранах Геральта и Кагыра, нельзя не сказать, что в бою нам прикончили или покалечили всех лошадей, кроме моего верного Пегаса и норовистой кобылы ведьмака Плотвы. Поэтому в порядке рекомпенсации мы прихватили трех полнокровных кавалерийских верховых коней и одну запасную лошадку. Взяли также лишь столько снаряжения, сколько сумели ухватить – справедливости ради скажу, что половину взятого нам впоследствии пришлось выкинуть за ненадобностью. Как выразилась Мильва, «так завсегда бывает, когда хапаешь втемную». Наиболее полезная часть краденого пришилась на вампира Региса, который в темноте видит лучие,

чем днем. Дополнительно Регис снизил боеспособность лирийской армии, прихватив мышинового цвета упитанного мула, которого вывел из ограды так ловко, что ни одно животное даже не фыркнуло и не топнуло. Байки о животных, чувствующих вампиров и реагирующих на их запах паническим страхом, явно следует отнести к области народного творчества, разве что речь идет о некоторых животных и некоторых вампирах. Добавлю, что тот мышастый мул держится при нас до сих пор. После того как мы потеряли запасную лошадку, которая где-то заплутала позже в лесах Заречья, перепуганная волками, мул несет наш багаж, вернее, то, что от него осталось. Зовут мула Драакуль, имечко это дал ему Регис сразу после изъятия, да так оно и осталось. Региса явно забавляет это имя, несомненно, имеющее какое-то шутовское звучание в культуре и речи вампиров, нам же он этого разъяснить не пожелал, утверждая, что «сие есть непереводаемая игра слов».

Таким-то вот образом компания наша снова вышла на тракт, а уже и без того достаточно длинный перечень лиц, которые нас не любили, стал еще длиннее. Геральт Ривский, рыцарь без страха и упрека, покинул ряды рыцарства еще до того, как посвящение было подтверждено патентом, а придворный герольд придумал ему герб. Кагыр же аэп Кеаллах в долголетнем конфликте Нильфгаарда с нордлингами ухитрился уже драться в рядах обеих армий и из обеих дезертировать, заочно заработав и там и тут смертный приговор.

Да и остальные были в отнюдь не лучшей ситуации – в конце концов, веревка есть веревка простое, и не столь уж велика разница, за что тебя вздернут: за ущерб, нанесенный рыцарской чести, дезертирство или поименование армейского мула Драакулем.

Пусть же тебя не удивляет, любезный читатель, что мы предпринимали воистину титанические усилия, дабы максимально увеличить разрыв между нами и корпусом королевы Мэвы. Что было сил в конях, гнали на юг, к Яруге, намереваясь переправиться на левый берег. И вовсе не только для того, чтобы отгородиться рекой от королевы и ее партизан, а потому, что безлюдья Заречья были не столь опасны, как охваченный войной Ангрен, – к друидам в Каэд Дху гораздо разумнее было двигаться левым, а не правым берегом. Парадоксально, поскольку левый берег Яруги – это уже территория вражеской Нильфгаардской империи. «Породил» эту левобережную концепцию ведьмак Геральт, у которого после выхода из братства посвященных в рыцари самоуверенных нахалов в значительной степени восстановились разум, способность логически мыслить и свойственная ему предусмотрительность. Будущее показало, что план ведьмака был чреват последствиями и повлиял на результат всей экспедиции. Но об этом позже.

У Яруги, когда мы туда добрались, полно было нильфгаардцев, переправлявшихся по отстроеному мосту в Красной Биндюге, чтобы продолжать наступление на Ангрен, а

скорее всего и дальше, на Темерию, Махакам, и одному богу известно, куда еще нацелился нильфгаардский генеральный штаб. Нечего было и думать форсировать реку с ходу, следовало затаиться и ждать, пока не перейдут войска. Битых двое суток мы просидели в приречных лозах, подпитывая ревматизм и откармливая москитов. Ко всему прочему погода вскоре испортилась, моросило, сквозило и от холода зуб на зуб попадал только по чистой случайности. Такого холодного сентября я не припомню в числе многочисленных оставшихся в моей памяти сентябрей. Именно тогда-то, любезный читатель, обнаружив среди позаимствованных из лирийских обозов вещей клочок бумаги и обломок карандаша, я и начал, чтобы убить время и забыть о невзгодах, вспоминать и увековечивать некоторые из наших приключений.

Докучливая слякоть и вынужденное бездействие вконец испортили нам настроение и вызвали разные черные мысли. Особенно у ведьмака. Геральт уже давно подсчитывал дни, отделяющие его от Цири, а каждый день, проведенный не в пути, отдалял его – как он думал – от девушки все дальше. Теперь, в мокром лозняке, на холоде, под дождем, ведьмак с каждой минутой становился все угрюмее и злее. Было заметно, что он сильно хромает, а когда ему казалось, что никто его не видит и не слышит, он ругался и шипел от боли. Надобно тебе знать, милый читатель, что Геральту поломали кости во время мятежа чародеев на острове Танедд.

Фрактуры срастались и вылечились магическими стараниями дриад из леса Брокилон, но докучать, видимо, не перестали. Поэтому ведьмак испытывал и телесные, и душевные страдания, и злым из-за этого был как хрен с уксусом. Не подступись.

И вновь его начали преследовать сны. Девятого сентября утром, когда он спал после ночного бдения, он поразил всех, с криком сорвавшись с лежанки и схватившись за меч. Это походило на амок, но, к счастью, прошло моментально.

Он отошел в сторону, вскоре вернулся с угрюмой миной и сообщил ни много ни мало, что немедленно распускает дружину и дальше отправится один, поскольку там где-то творятся чудовищные вещи, что время торопит, что становится опасно, а он ни в какую не хочет подвергать опасности никого и ни за кого не желает нести ответственности. Он болтал и резонерствовал так нудно и так неубедительно, что никому не хотелось с ним спорить. Даже обычно терпеливый вампир отошел в сторонку, пожав плечами, Мильва сплюнула, Кагыр сухо напомнил, что отвечает за себя сам, а что до риска, так не для того он носит меч, чтобы тот оттягивал ему пояс. Однако потом все разом замолкли и многозначительно уставились на нижеподписавшегося, несомненно, полагая, что я воспользуюсь оказией и вернусь домой. Вероятно, нет нужды добавлять, что разочарование их трудно поддается описанию.

Однако обстоятельства заставили нас прервать «пере-

дышку» и подтолкнули к смелому действию – форсировать Яругу. Признаюсь, такое мероприятие меня беспокоило, поскольку план предполагал ночную переправу вплавь, осуществляемую, цитирую Мильву и Кагыра, «на конских хвостах». Даже если это была метафора – подозреваю, что отнюдь нет, – я как-то не представлял себе во время такой переправы ни себя, ни моего рысака Пегаса, на хвосте которого зиждились все мои надежды на удачный исход операции. Плавание, говоря осторожно, не было и не стало моей сильной стороной. Плавание же «на конском хвосте» – и по-прежнему. Если б Матерь Природа хотела, чтобы я плавал, то в ходе акта творения и процесса эволюции она не упустила бы случая снабдить меня хотя бы перепонками между пальцами. Не говоря уж о Пегасе.

Мои тревожения оказались напрасными – по крайней мере касательно плавания на конском хвосте. Мы переправились совсем другим образом. Кто знает, не еще ли более безумным и, сказать по правде, совсем уж нахальным – по восстановленному мосту в Красной Биндюге, под самым носом у нильфгаардских постов и патрулей. Предприятие, как выяснилось, только на первый взгляд казалось диким лихачеством и смертельным риском, в действительности же прошло как по маслу. После того как проследовали линейные подразделения, по мосту туда и обратно принялись снова обоз за обозом, экипаж за экипажем, стадо за стадом, толпы самого различного, в том числе и гражданского

сброда, среди которого наша компания не выделялась совершенно ничем и никому в глаза не бросалась. Таким образом, десятого дня сентября месяца все мы перебрались на левый берег Яруги, только один раз окликнутые стражей, которой Кагыр, грозно насупившись, гневно буркнул что-то об императорской службе, подтвердив сказанное классической армейской и всегда эффективной «куррва ваша мать». Прежде чем кто-либо успел нами заинтересоваться еще, мы уже были на левом берегу реки, в глубине зареченских лесов, потому что здесь был только один тракт, и тот – на юг, а нам не подходили ни направление, ни обилие путающихся там нильфгаардцев.

На первой же ночевке в лесах Заречья меня тоже посетил дивный сон – однако в отличие от Геральта мне при снилась не Цири, а чародейка Йеннифэр. Как обычно вся в черном и белом, она витала в воздухе над угрюмым горным замком, а снизу другие чародейки грозили ей кулаками и всячески поносили. Йеннифэр взмахнула длинными черными рукавами платья и черным альбатросом улетела к бесконечному морю прямо навстречу восходящему солнцу. С этого момента сон обратился в кошмар. После пробуждения детали стерлись, остались нечеткие, малоосмысленные картинки, но были и картины жуткие: истязания, крик, боль, страх, смерть... Одним словом...

Я не стал рассказывать Геральту о своем сне. Слова не молвил. И, как выяснилось позже, правильно поступил.

– Йеннифэр ее звали! Йеннифэр из Венгерберга. И знаменитейшая была чародейка! Чтоб мне рассвета не дожидаться, ежели лжу.

Трисс Меригольд вздрогнула, повернулась, пытаюсь пробить взглядом толпу и сизый дым, плотно заполнявший главный зал таверны. Наконец встала из-за стола, с легким сожалением оставив филе из морского языка с анчоусовым маслом. Местное фирменное блюдо и первейший деликатес. Однако по тавернам и постоялым дворам Бремервоорда она шаталась не для того, чтобы поглощать деликатесы, а ради сбора информации. Кроме того, ей надо было следить за фигурой.

Круг людей, в который предстояло втиснуться, был уже плотен и густ – в Бремервоорде люди обожали рассказы и не упускали ни одной возможности послушать новый. А многочисленные моряки никогда не разочаровывали, всегда могли позабавить новым и свежим репертуаром морских басен и баек. Ясное дело, в основном матросским, но ведь это не имело ни малейшего значения. Рассказ есть рассказ. У него свои законы.

Рассказчица, занимавшая публику сейчас и упомянувшая Йеннифэр, была рыбачкой с Островов Скеллиге – полная, ширококостная, коротко остриженная, одетая, как и ее четыре спутницы, в вытертый до блеска камзол из нарвальей кожи.

– Случилось это в девятнадцатый день сентября месяца, наутро после второй ночи полнолуния, – излагала островитянка, отхлебывая пиво из солидных размеров кубка.

Ее рука, как заметила Трисс, была цвета старого кирпича, а обнаженные, узловатые мускулистые предплечья – никак не меньше двадцати дюймов в обхвате. У Трисс было двадцать два в талии.

– Рано-ранешенько, – продолжала рыбачка, водя глазами по лицам слушателей, – вышел наш баркас в море, на зунд промеж Ан Скеллиг и Спикероогой, на устричную отмель, где обнаковенно мы лососевые переметы ставим. Шибко спешили, потому как на шторм нагоняло, небо сильно темнело с заходу. Надо было поживше выбрать лосося с сетей, иначе, сам знаешь, в сетях только морды помятые остаются, пооборванные, и весь улов идет псу под хвост.

Слушатели, в большинстве своем жители Бремервоорда и Цидариса, в основном кормящиеся морем и существованием своим морю обязанные, покивали и поворачали с пониманием. Трисс лососей доводилось видеть обычно в виде розовых пластинок, но и она тоже покивала и поворачала с пониманием, поскольку не хотела выделяться. Она была здесь инкогнито, с секретной миссией.

– Приплыли мы... – продолжала рыбачка, покончив с кубком и дав знать, что кто-то из слушателей должен бы уже поставить другой. – Приплыли мы, значицца, выбираем сети, а тут вдруг Гудрун, Стурлихина дочка, как взвизгнет во

весь голос. И пальцем в правый борт тычет! Глядим, а там летит чегой-то по воздуху, да не птица! У меня сердце аж захолонуло, потому как я сразу подумала, выворотень то аль гриф малый. Пролетают такие порой над Спикероогой, правда, в основном-то зимой, особенно при западном ветре. Но это черное чудо тем часом хлюсть в воду! И по волне – шмыг! Прям в наши сети. Запуталось в сетях-то и барахтается в воде, будто тюлень какой. Тогда мы кучей, сколь нас было, а было нас баб восемь штук, за сеть и давай тягать энто на палубу! И только тута рты разинули! Потому как девка это оказалась! В платье черном и сама черна, как твой ворон. Сетью омотана, промежду двумя лососями, из которых в одном, чтоб я так здорова была, сорок два с половиной фунта было, не мене.

Рыбачка из Скеллиге сдула пену с кубка и отхлебнула немало. Никто из слушателей не комментировал и не выражал недоверия, хоть факт поимки лосося такого поразительного веса не помнили даже самые старшие из них.

– Черноволосая в сетях-то, – снова заговорила островитянка, – кашляет, водой морской плюется и дергается, а Гудрун, Стурлихина дочка, нервничает, потому как на сносках она, да в голос как заорет: «Кэльпи, – орет, – кэльпи энто, хавфруя!» А ведь каждый дурень знает, что не кэльпи это, потому как кэльпи-то давно бы уж сеть продрала, да и воще, неужто такое чудище даст себя на борт вытаранить? И не хавфруя это, потому как рыбьего хвоста у ей нету, а дева

морская завсегда при хвосте рыбею бывает, и воше ж она в море-то с неба свалилася, а видал кто-нибудь кэльпи или хавфрюю, чтобы они по небу летали? Но Скади, Унина дочка, так та завсегда сразу же в крик: «Кэльпи!» Паникует. Да как ухватит за гаф! И с гафом-то к сети. А из сетей ка-ак брызнет синим, а Скади-то ка-ак заорет! Гаф влево, сама вправо, да пусть я сдохну, ежели лжу, трижды перевернулася и ка-а-ак долбанется задницей о палубу! Ха, сразу видать стало, что этакая чародейка в сетях похуже, чем, между прочим, медуза, скорпена аль угорь дохлый костяной будет. А к тому ж еще и верещать ведьма почала и курвиться с угрозами всякими! А из сети аж шипит, воняет и пар идет, такое она там, в середине, волшебство нагадила! Ну, видим, не шуточки тут шуткуются.

Островитянка осушила кубок и не мешкая потянулася за следующим.

– Да, не шуточки это, – она громко отрыгнула, утерла нос и рот, – магичку в сети поймать! Чуюм, что от той магии, чтоб я так жила, аж барка начинает сильней качаться. Делать было нечего! Бритта, Каренина дочка, подцепила сеть багром, а я схватила весло и бац, бац, бац!!!

Пиво брызнуло высоко и потекло по столу, несколько перевернувшихся кружек свалилось на пол. Слушатели вытирали щеки и брови, но не проронили ни слова обиды или замечания. Рассказ – это рассказ. У него свои законы.

– Поняла ведьма, с кем дело имеет. – Рыбачка выпятила

обильный бюст и вызываясь осмотрелась. Мол, с бабами со Скеллиге связываться не моги! – Говорит, дескать, поддаюся я вам по доброй воле и обещаю ни заклинаний, ни порчи, ну, не наводить. И имя свое назвала – Йеннифэр из Венгерберга.

Слушатели зашумели. После событий на Танедде прошло едва два месяца, имена подкупленных Нильфгаардом предателей еще были на слуху. Имя знаменитой Йеннифэр – тоже.

– Отвезли мы ее, – продолжала островитянка, – на Ард Скеллиг в Каэр Трольд к ярлу Краху ан Крайту. Боле я уж ее не видала. Ярл был в отбытии, говорили, как вернулся, вначале принял магичку сурово, однако ж позднее ласково и вежливо. Хм-м-м-м... А я только и ждала, какую мне чародейка сюрпризу пожалует за то, что я ее веслом чуть не прибила. Думала, отлает меня перед ярлом. Ан нет. Слова не молвила, не пожаловалась. Гонористая баба. Держала слово. Позднее, когда она убилая, то мне ее дажить жаль было...

– Йеннифэр мертва? – крикнула Трисс, от изумления забыв о своем инкогнито и секретной миссии. – Йеннифэр из Венгерберга умерла?

– Ага, умерла. А как же. – Рыбачка допила пиво. – Мертвая она, как эта вот макрелина. Убила себя собственными чарами, магические фокусы проделывая. Совсем недавно это случилось, в последний день сентября, прям пред ночью. Но это уж совсем иная история.

– Лютик! Не спи в седле!

– А я и не сплю. Я творчески мыслю.

Итак, ехали мы, любезный читатель, лесами Заречья, направляясь на восток, к Казд Дху, в поисках друидов, которые могли бы нам пособить отыскать Цири. Как все было, расскажу. Однако вначале, исторической правды ради, сообщу кое-что о нашей команде – об отдельных ее членах.

Вампиру Регису было больше четырехсот лет. Если не лгал, сие означало, что он был старше любого из нас. Конечно, это мог быть обыкновенный треп, да как проверишь? Однако я предпочитал исходить из того, что наш вампир – существо правдивое, поскольку заявил он также, что навсегда и бесповоротно отказался высасывать кровь из людей, и благодаря этому заверению мы как-то спокойней засыпали на ночных привалах. Я заметил, что вначале Мильва и Кагыр после пробуждения опасливо и с беспокойством ощупывали свои шеи, но это вскоре кончилось. Вампир Регис был – вернее сказать, казался – вампиром стопроцентно честным: коли сказал, что сосать не будет, так и не сосал.

Однако были и у него недостатки, правда, отнюдь не вампирьей натуры. Регис был интеллектуалом и обожал демонстрировать это. Была у него раздражающая привычка высказывать баналы и истины тоном и с миной пророка, на что, однако, мы вскоре перестали реагировать, поскольку высказываемые утверждения оказывались либо действительно истинными, либо звучали как таковые, либо были

непроверяемы, что на поверку одно на одно выходило. Зато уж действительно несносной была Регисова манера отвечать на вопросы еще прежде, чем вопрошающий успевал вопрос сформулировать окончательно, а то и до того, как вопрос вообще был задан. Я это внешнее проявление якобы высокого интеллекта всегда считал скорее признаком хамства и невежества, а таковые терпимы разве что в университетской среде да в дворянских кругах, но трудно переносимы в коллективе, с которым день за днем идешь стремя в стремя, а ночью спишь под одной попоной. Однако до серьезных раздоров не дошло, за что благодарить следует Мильву. В отличие от Геральта и Кагыра, которых, видимо, прирожденный оппортунизм принуждал подлаживаться к манерам вампира, а порой и соревноваться с ним, лучница Мильва предпочитала решения простые и «непретенциозные». Когда Регис в третий раз ответил на ее вопрос, не дослушав и до половины, она резко обругала его, воспользовавшись словами и определениями, способными вогнать в краску даже заслуженного ландскнехта. Как ни странно, это подействовало – вампир мгновенно освободился от нервирующей манеры. Из чего следует, что в качестве самой эффективной защиты от интеллектуального превосходства следует принять максимально грубое облаивание пытающегося демонстрировать все преимущества интеллектуала.

Мильва, мне кажется, довольно тяжело переживала

свое несчастье – выкидьши. Я пишу «мне кажется», так как понимаю, что, будучи мужчиной, никоим образом не могу себе представить, как воспринимает женщина такой случай и такую потерю. Хоть я и поэт, и человек пишущий, тем не менее мое вышколенное и натренированное воображение оказывается бессильным, и тут уж ничего не поделаешь.

Физическую кондицию лучница восстановила быстро – хуже было с психической. Случалось, что целый день, от рассвета до заката, она не произносила ни слова. Любила исчезать и держаться в стороне. Это всех нас несколько беспокоило. Но наконец наступил перелом: Мильва отреагировала как дриада либо эльфка – бурно, импульсивно и не совсем понятно. Однажды утром она на наших глазах вытащила нож и, не произнеся ни слова, отхватила косу у самой шеи. «Не положено, я не девушка, – сказала она, видя, как у нас отвалились челюсти. – Но и не вдова, – добавила она. – И на том конец трауру». С этого момента она постоянно была уже такой, как и раньше, – ехидной, кусачей, надутой и скорой на непарламентские выражения. Из этого мы сделали вывод, что кризис удачно миновал.

Третьим, не менее странным членом нашей команды был нильфгаардец, не упускавший случая заметить, что он не нильфгаардец. Зовут его, как он утверждал, Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах...

– Кагыр Маур Дыффин, сын Кеаллаха, – торжественно заявил Лютик, наставив на нильфгаардца свинцовый стержне-нек. – Со многим из того, что я не люблю и, более того – не переносу, мне пришлось смириться в этой уважаемой компании. Но не со всем! Я не переносу, когда мне заглядывают через плечо в то время, как я пишу! И смиряться с этим не намерен!

Нильфгаардец отодвинулся от поэта, после недолгого раздумья схватил свое седло, кожух и попону и перетащил все ближе к дремлющей Мильве.

– Прости, – сказал он при этом. – Прошу простить мое нахальство, Лютик. Я заглянул случайно, из обычного любопытства. Думал, ты чертишь карту или производишь какие-то расчеты.

– Я не бухгалтер! – вздыбился поэт в буквальном и переносном смысле. – И не картограф! И даже если б был таковым, это не оправдывает того, что ты запускаешь журавля в мои записки!

– Я уже извинился, – сухо напомнил Кагыр, устраивая себе лежанку на новом месте. – Со многим я смирился в этой уважаемой компании и ко многому привык. Но извиняться по-прежнему считаю для себя возможным только один раз.

– А вообще-то, – проговорил ведьмак, совершенно неожиданно для всех и, кажется, для себя тоже, приняв сторону юного нильфгаардца, – ты стал чертовски раздражителен, Лютик. Невозможно не заметить, что это как-то связано с

бумагой, которую ты с некоторых пор принялся пачкать на биваках огрызком свинчатки.

– Факт бесспорный, – подтвердил вампир Регис, подбирая в огонь березовые ветки. – Последнее время наш местрель стал раздражительным да к тому же скрытным, таинственным и жаждущим уединения. О нет, в отправлении естественных потребностей присутствие свидетелей ему отнюдь не мешает, чему, впрочем, в нашей ситуации удивляться не приходится. Стыдливая скрытность и раздражительность, вызываемая посторонними взглядами, связаны у него исключительно с процессом покрывания бумаги бисерным почерком. Неужто мы присутствуем при рождении поэмы? Рапсодии? Эпоса? Романса? Канцоны, наконец?

– Нет, – возразил Геральт, придвигаясь к костру и укутываясь попоной. – Я его знаю. Это не может быть рифмованная речь, ибо он не богохульствует, не бормочет себе под нос и не подсчитывает количество слогов на пальцах. Он пишет в тишине, и, стало быть, это – проза.

– Проза! – Вампир сверкнул острыми клыками, от чего обычно воздерживался. – Уж не роман ли? Либо эссе? Моралите? О громах небесные, Лютик! Не мучай нас. Не злоупотребляй... Раскрой, что пишешь?

– Мемуары.

– Чего-чего?

– Из сих записок, – Лютик продемонстрировал набитую бумагой тубу, – возникнет труд моей жизни. Мемуары, на-

зываемые «Пятьдесят лет поэзии».

– Вздорный и нелепый труд, – сухо отметил Кагыр. – У поэзии нет возраста.

– Если все же принять, что есть, – добавил вампир, – то она много древнее.

– Вы не поняли. Название означает, что автор произведения отдал пятьдесят лет, не больше и не меньше, служению Госпоже Поэзии.

– В таком случае это еще больший вздор, – возразил ведьмак. – Ведь тебе, Лютик, нет и сорока. Искусство писать тебе вбили розгами в задницу в храмовой инфиме⁵ в восьмилетнем возрасте. Даже если ты писал стихи уже там, то ты служишь своей Госпоже Поэзии не больше тридцати лет. Но я-то прекрасно знаю, ибо ты сам не раз об этом говорил, что всерьез рифмовать и придумывать мелодии начал в девятнадцать лет, вдохновленный любовью к графине де Стэль. И значит, стаж твоего служения упомянутой Госпоже, друг мой Лютик, не дотягивает даже до двадцати лет. Тогда откуда же набралось пятьдесят в названии труда? Может быть, служение графине засчитывается как год за два? Или это метафора?

– Я, – надулся поэт, – охватываю мыслью широкие горизонты. Описываю современность, но заглядываю и в будущее. Произведение, которое я начинаю создавать, я намерен издать лет через двадцать-тридцать, а тогда никто не усо-

⁵ Инфима (от лат. infimitas) – начальная школа, школа низшего уровня.

мнится в правильности данного мемуарам заглавия.

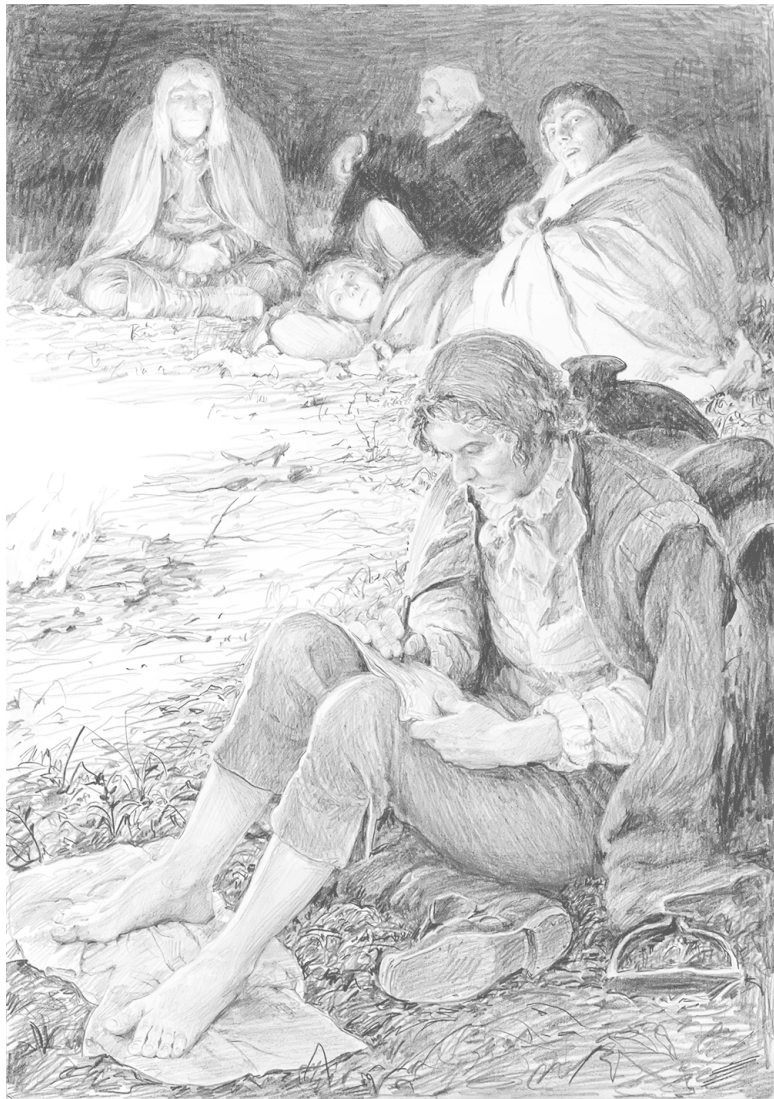
– Ага, теперь понимаю. Если меня что-то удивляет, так это твоя предусмотрительность. Обычно завтрашний день тебя интересовал мало.

– Завтрашний день меня по-прежнему мало интересует, – высокомерно возвестил поэт. – Я мыслю о потомках. О вечности!

– С точки зрения потомков, – заметил Регис, – не очень-то этично начинать писать уже сейчас, так сказать, «на вырост». Потомки имеют право, увидев такое название, ожидать произведения, написанного с реальной полувековой перспективы личностью, обладающей реальным полувековым объемом знаний и экспериенции⁶.

– Человек, экспериенция коего насчитывает полвека, – резко прервал Лютик, – должен по самой природе вещей быть семидесятилетним дряхлым дедом, с мозгом, разжиженным склерозом. Такому следует посиживать на веранде в валенках и попердывать, а не мемуары писать, потому как люди смеяться будут. Я такой ошибки не совершу, напишу свои воспоминания раньше, пребывая в расцвете творческих сил. Позже, перед тем как издать труд, я лишь введу небольшие косметические поправки.

⁶ Экспериенция (от лат. *experientia*) – опыт, знание предмета.

– В этом есть свои достоинства. – Геральт помассировал и осторожно согнул больное колено. – Особенно для нас. Потому как хоть мы, несомненно, фигурируем в его произведении и хоть он, несомненно же, не оставил на нас сухой нитки, через полвека это уже не будет иметь для нас большого значения.

– Что есть полвека? – усмехнулся вампир. – Мгновение, момент... Да, Лютик, небольшое замечание: «Полвека поэзии» звучит, на мой взгляд, лучше, чем «Пятьдесят лет».

– Не возражаю. – Трубадур наклонился над листком, почиркал по нему свинчаткой. – Благодарю, Регис. Наконец хоть что-то конструктивное. У кого еще есть какие-либо замечания?

– У меня, – неожиданно проговорила Мильва, высовывая голову из-под попоны. – Ну, чего zenки вытаращил? Мол – неграмотная? Да? Но и не дурная. Мы в походе, топаем Цирри на выручку, с оружием в руках по вражеской земле идем. Может так стрястись, что в лапы вражьи попадут эти Лютиковы «мимо арии». Мы виршеплета знаем, не секрет, что он трепач, к тому же сплетник знатный. Того и гляди его арии пролетят мимо. Потому пусть глядит, какие арии карябает. Чтобы нас за евонные каракули случаем на суку не подвесили.

– Ты преувеличиваешь, Мильва, – мягко сказал вампир.

– И к тому же сильно, – отметил Лютик.

– Мне тоже так кажется, – незлобливо добавил Кагыр. – Я не знаю, как там у вас, у нордлингов, но в Империи наличие рукописей не считается преступлением, а литературная деятельность не карается.

Геральт скосил на него глаза, с хрустом переломил палочку, которой поигрывал, и сказал вполне дружелюбно, но не без насмешки:

– Все верно, однако на территориях, захваченных этой культурнейшей из наций, библиотеки подлежат сожжению. Впрочем, не будем об этом. Мне, Мария, тоже кажется, что ты преувеличиваешь. Писанина Лютика, как всегда, не имеет никакого значения. Для нашей безопасности тоже.

– Аккурат! – уперлась лучница, усаживаясь поудобнее. – Я свое знаю. Мой отчим, когда королевские коморники делали у нас перепись людей, так ноги взял в руки, завалился в лес и две недели там отсиживался, носу не казал. Нет уж, где пергамент, там яма, любил он говорить, а кого ныне чернилами записывают, того завтра колесом ломать станут. И верно говорил, хоть и паршивец был, хуже не сыскать. Мнится мне, он в пекле поджаривается, курвин сын!

Мильва отбросила попону, подсела к огню, окончательно выбитая из сна. Дело шло, как заметил Геральт, к очередной долгой ночной беседе.

– Не любила ты своего отчима, думается, – заметил Лютик после минутного молчания.

– Ага, не любила. – Мильва громко скрипнула зубами. –

Потому как стервец он был. Када мамка не видала, подбирался и лапами лез, рукоблуд паршивый. Слов не понимал, так я однажды, не сдержавшись, граблями его малость охотила, а кады он свалился, так еще шуранула разок-другой ногами по ребрам, да и в промежность. Два дни он опосля лежал и кровью плевался... А я из дому прочь в белый свет дунула, не дожидаячись, пока он вконец оздоровеет. Потом слухи до меня дошли, что помер он, да и матка моя вскорости за ним... Эй, Лютик? Ты это записываешь, что ли? И не моги! Не моги, слышь, что говорю?

Удивительно было, что шла с нами Мильва, странным был факт, что сопровождал нас вампир. Однако же самым поразительным – и в принципе непонятным – были мотивы Кагыра, который неожиданно из первейшего врага стал если не другом, то союзником. Парень доказал это в Битве на Мосту, когда не задумываясь встал с мечом в руке рядом с ведьмаком против своих соплеменников. Действием этим он завоевал нашу симпатию и окончательно развеял наши подозрения. Написав «наши», я имею в виду себя, вампира и лучницу, потому что Геральт, хоть и дрался с Кагыром бок о бок, хоть и рядом с ним заглянул смерти в глаза, по-прежнему не доверял нильфгаардцу и симпатией его не одаривал. Правда, свою неприязнь он старался скрывать, но поскольку он был – я вроде бы уже упоминал об этом – личностью прямой как ратовище копья, притворяться не умел, и ан-

типатия выпирала из него на каждом шагу словно угорь из дырявой вириши.

Причина была однозначна – Цири.

По воле судьбы я оказался на острове Танедд во время июльского новолуния, когда случилась кровавая бойня между верными королям чародеями и предателями, направляемыми Нильфгаардом. Предателям помогали «белки», взбунтовавшиеся эльфы и Кагыр, сын Кеаллаха. Кагыр был на Танедде, его послали туда со специальным заданием – поймать и умыкнуть Цири. Защищаясь, Цири ранила его. У Кагыра на левой руке шрам, при виде которого у меня всегда перехватывает дух. Болеть это должно было зверски, а два пальца у него и теперь не сгибаются.

И после этого именно мы спасли его у Ленточки, когда собственные соплеменники везли его в путах на жестокую казнь. За что, спрашиваю, за какую провинность хотели его прикончить? Неужели только за неудачу на Танедде? Кагыр не из болтливых, но у меня ухо чуткое даже на полуслово. Парню нет еще и тридцати, и, похоже, был он в нильфгаардской армии офицером высокого ранга. Поскольку всеобщим языком он пользуется свободно, а для нильфгаардца это редкость, постольку, думаю я, то есть предполагаю, в каком роде войск Кагыр служил и почему так быстро вырос. И почему поручали ему столь серьезные задания. В том числе и за рубежом.

Потому что ведь именно Кагыр однажды уже пытался

увести Цири. Почти четыре года назад, во время резни в Цинтре. Тогда впервые дало о себе знать управляющее судьбами этой девочки Предназначение.

Совершенно случайно я беседовал об этом с Геральтом. Было это на третий день после того, как мы пересекли Яругу, за десять дней до Эквинокция, во время похода через зареченские леса.

Разговор был хоть и очень краткий, но полный неприятных и тревожных нот. А на лице и в глазах ведьмака уже тогда читалась жестокость, которая проявилась позже, в самый Эквинокций, после того как к нам присоединилась светловолосая Ангулема.

Ведмак не глядел на Лютика. Не глядел вперед. Он глядел на гриву Плотвы.

– Калантэ, – начал он, – перед самой смертью заставила нескольких рыцарей поклясться, что они не позволят Цири попасть в руки нильфгаардцев. Во время панического бегства рыцарей убили, и Цири осталась одна среди трупов и пожаров, в ловушке закоулков горящего города. Она не спаслась бы, это ясно. Но ее отыскал Кагыр. Отыскал и вырвал из пасти огня и смерти. Уберег. Героически. Благородно!

Лютик немного сдержал Пегаса. Они ехали последними, Регис, Мильва и Кагыр опередили всех примерно на четверть стае, но поэт не хотел, чтобы хоть словечко из разговора дошло до ушей спутников.

– Проблема в том, – продолжал ведьмак, – что наш Кагыр проявил благородство, выполняя приказ. Он был так же благороден, как баклан: не заглотал рыбу, потому что ему на горло надели колечко. Он должен был принести рыбу в клюве своему хозяину. Это не получилось, вот хозяин и разгневался на баклана! Теперь баклан в немилости! Не потому ли ищет дружбы и общества рыб? Как думаешь, Лютик?

Трубадур наклонился в седле, спасаясь от низко нависшей ветви липы. Листья на ветке совсем пожелтели.

– Тем не менее он спас ей жизнь, ты сам сказал. Благодаря ему Цири вышла из Цинтры целой и невредимой.

– И кричит по ночам, видя его во сне.

– И все же он ее спас! Перестань копаться в воспоминаниях, Геральт. Очень многое изменилось, да и меняется каждый день, воспоминания не принесут ничего, кроме огорчений, которые тебе явно идут не на пользу. Он спас Цири. Факт был, есть и останется фактом.

Геральт наконец оторвал взгляд от гривы, поднял голову. Лютик глянул ему в лицо и быстро отвел глаза.

– Факт останется фактом, – повторил ведьмак злым, металлическим голосом. – О да! Он этот факт вывалил мне в лицо на Танедде, и от злости голос застрял у него в горле, потому что он смотрел на клинок моего меча. Этот факт и этот крик не дали мне убить его. Ну что ж, так было и так уж, видать, останется. А жаль. Потому что следовало уже тогда, на Танедде, начать цепь. Длинную цепь смертей: цепь мести,

о которой еще и через столетие ходили бы сказания. Такие, которых боялись бы слушать в потемках. Ты понимаешь это, Лютик?

– Не очень.

– Ну и черт с тобой.

* * *

Неприятный это был разговор и неприятная у ведьмака тогда была физиономия. Ох не нравилось мне, когда его охватывало такое настроение и он начинал с такого конца.

Впрочем, должен признать, что образное сравнение с бакланом свою роль сыграло – я начал беспокоиться. Рыба в клюве, которую несут туда, где ее оглушат, выпотрошат и зажарят! Воистину миленькая аналогия, радостные перспективы...

Однако рассудок возражал против этого. В конце концов, если продолжать придерживаться рыбьих метафор, то кем были мы? Плотвичками, маленькими костлявыми плотвичками. Вряд ли взамен за столь мизерную добычу «баклан» Кагыр мог рассчитывать на императорскую милость. К тому же он явно и сам не был такой уж щучкой, какой хотел казаться. Плотвой – да, как все мы. А кто вообще обращает внимание на плотвичек в те времена, когда война словно железная борона перепахивает землю и человеческие судьбы?

Готов дать голову на отсечение, что в Нильфгаарде о Кагыре вообще не помнят.

Ваттье де Ридо, шеф нильфгаардской армейской разведки, опустив голову, выслушивал императорскую нотацию.

– Итак, – ехидно тянул Эмгыр вар Эмрейс, – организация, которая заглатывает в три раза больше государственных средств, чем образование, культура и искусство, вместе взятые, не в состоянии отыскать одного-единственного человека. Человек запросто исчезает, скрывается, хотя я трачу баснословные деньги на учреждение, от которого ничто не должно бы укрыться! Один виновный в предательстве человек смеется в глаза учреждению, которому я дал достаточно привилегий, прав и средств, чтобы оно не давало спать даже невинному. О, можешь мне поверить, Ваттье, когда в следующий раз на Совете станут нудить о необходимости урезать фонды на секретные службы, я охотно их послушаю. Можешь поверить!

– Ваше императорское величество, – откашлялся Ваттье де Ридо, – примет, я не сомневаюсь, соответствующее решение, предварительно взвесив все «за» и «против». Как неудачи, так и успехи имперской разведки. Ваше величество, можете быть уверены, что предатель Кагыр аэп Кеаллах не избежит возмездия. Я предпринял действия...

– Я плачу вам не за предпринимание действий, а за их результаты. А результаты мизерны! Что с делом Вильгефорца?

Где, черт побери, Цирилла? Что ты там бормочешь? Громче!

— Я думаю, ваше величество должны взять в жены девуцу, которую мы держим в Дарн Роване. Нам необходим этот брак, лояльность суверенного лена Цинтра, успокоение Островов Скеллиге и мятежников из Аттре, Стрепта, Маг Турги и со Стоков. Необходима всеобщая амнистия, мир на тылах и на линиях обеспечения и снабжения... Необходим нейтралитет Эстерада Тиссена из Ковира.

— Я знаю об этом... Но девушка, что сидит в Дарн Роване, — не настоящая Цирилла. Я не могу вступить с ней в брак.

— Ваше императорское величество, соблаговолите простить, но разве так уж важно, более ли она настоящая, чем настоящая, или менее? Политическая ситуация требует торжественного бракосочетания. Срочно. Молодая будет в ву-али. А когда мы наконец отыщем настоящую Цириллу, мы избранницу попросту... заменим.

— Да ты не спятил ли, Ваттье?

— Ненастоящую нам показали мимолетно. Настоящую в Цинтре никто не видел четыре года, к тому же утверждают, что она больше времени проводила на Скеллиге, чем в самой Цинтре. Гарантирую, что никто не обнаружит подмену...

— Нет!

— Ваше императорское...

— Нет, Ваттье! Найди мне настоящую Цириллу! Оторвите наконец свои зады от кресел, шевелите ягодицами и мозгами. Найдите Кагыра. И Вильгефорца. Прежде всего Вильге-

форца. Потому что Цири у него. Я в этом уверен.

– Ваше императорское величество...

– Ну, говори, Ваттье! Я слушаю!

– В свое время я подозревал, что так называемая проблема Вильгефорца – обычная провокация. Что чародей или убит, или находится в неволе, а показушная и громогласная охота служит Дийкстре для того, чтобы очернить нас и оправдать кровавые репрессии.

– Я тоже так полагал.

– И однако... В Редании это не придали публичной гласности, но я знаю от своих агентов, что Дийкстра отыскал одно убежище Вильгефорца, а в нем доказательства тому, что чародей проводил дьявольские эксперименты на людях. Точнее, на человеческих плодах и... беременных женщинах. Поэтому, если Вильгефорц поймал Цири, боюсь, дальнейшие поиски...

– Замолчи, черт побери!

– С другой стороны, – быстро проговорил Ваттье де Ридо, глядя на изменившееся от дикой ярости лицо императора, – все это может оказаться демонстрацией, имеющей целью опорочить чародея. Это похоже на Дийкстру.

– Изволь отыскать Вильгефорца и отобрать у него Цири! Дьяволыщина! Работать, а не отвлекаться и плести кружева предположений. Вот что надо делать! Где Филин? По-прежнему в Гесо? Ведь он вроде бы «перевернул там каждый камень и заглянул в каждую щель». «Девушки там нет и не бы-

ло». «Астролог ошибся или лжет». Все это цитаты из его донесений. Тогда что он там до сих пор делает?

– Коронер Скеллен, осмелюсь заметить, осуществляет не вполне понятные действия... Свое подразделение – то, которое ваше величество приказали ему организовать – он набирает в Мехте, в форте Рокаин, где заложил базу. Этот отряд, позволю себе добавить, весьма подозрительная банда. Странно уже то, что под конец августа господин Скеллен подыскал известного наемного убийцу...

– Что?

– Нашел наемного убийцу, которому приказал уничтожить буйствующую в Гесо разбойничью шайку. Дело само по себе, конечно, похвальное, но разве в этом задача императорского коронера?

– А в тебе, случаем, не говорит ли зависть, Ваттье? И не она ль придает твоим донесениям красочности и пыла?

– Я лишь отмечаю факты, ваше величество.

– Факты. – Император резко поднялся. – Именно факты я хочу видеть. Слышать о них мне уже наскучило.

День был действительно тяжелый. Ваттье де Ридо утомился. Правда, чтобы вконец не захлебнуться в незавершенных документах, у него был запланирован еще часок или два работы с бумагами. Однако при одной только мысли об этом Ваттье начинало подташнивать. «Нет, – подумал он, – никаких самопожертвований, никаких самопринуждений. А пой-

ду я к Кантарелле, сладенькой Кантарелле, с которой так славно отдыхается».

Долго раздумывать он не стал, а поднялся, взял плащ и вышел, полным отвращения жестом остановив секретаря, пытавшегося сунуть ему на подпись сафьяновую папку со срочными документами. Завтра! Завтра тоже будет день!

Он покинул дворец через черный ход, со стороны садов, и пошел по кипарисовой аллейке. Прошел мимо искусственного бассейна, в котором дотягивал свой сто тридцать второй год карп, выпущенный еще императором Торресом, о чем свидетельствовала золотая памятная медаль, прикрепленная к жаберной крышке огромной рыбыны.

– Добрый вечер, виконт.

Ваттье коротким движением предплечья высвободил укрытый в рукаве стилет. Рукоятка сама скользнула в ладонь.

– Ты здорово рискуешь, Риенс, – сказал он холодно. – Очень рискуешь, демонстрируя в Нильфгаарде свою обоженную физиономию. Даже если ты – всего лишь магическая телепроекция.

– Ты заметил? А Вильгефорц гарантировал, что если ты до меня не дотронешься, то не догадаешься, что это иллюзия.

Ваттье спрятал стилет. Он вовсе не догадался, что это была иллюзия, но теперь уже знал.

– Ты слишком труслив, Риенс, – сказал он, – чтобы появиться здесь своей собственной реальной персоной. Ты же

знаешь, чем это тебе грозит.

– Император все еще зол на меня? И на моего мэтра Вильгефорца?

– Твоя наглость обезоруживает.

– К черту, Ваттье. Уверяю, мы по-прежнему на вашей стороне, я и Вильгефорц. Признаю, мы обманули вас, подсунув фальшивую Цириллу, но сделали это из лучших побуждений, из самых лучших, пусть меня утопят, если я лгу. Вильгефорц предполагал, что ежели настоящая пропала, так пусть уж лучше будет фальшивая, чем никакой. Мы считали, что вам все равно...

– Твоя наглость перестает разоружать, а начинает оскорблять. Я не намерен тратить время на болтовню с оскорбляющим меня миражом. Когда я наконец поймаю тебя в истинном виде, тогда побеседуем, к тому же долго, клянусь. А пока... Араге⁷, Риенс.

– Не узнаю тебя, Ваттье. Раньше, явись к тебе даже сам дьявол, ты б не упустил случая проверить, нельзя ли тут чего-нибудь выгадать.

Ваттье не удостоил иллюзию взгляда, а вместо этого принялся рассматривать замшелого карпа, лениво перемешивающего водоросли в бассейне.

– Выгадать? – повторил он наконец, брезгливо выпячивая губы. – У тебя? Да что ты можешь дать? Настоящую Цириллу? Своего патрона Вильгефорца? Или, может, Кагыра аэп

⁷ Сгинь (лат.).

Кеаллаха?

– Стоп! – Иллюзия Риенса подняла иллюзорную руку. – Ты сказал.

– Что я сказал?

– Ты сказал «Кагыр». Мы доставим вам голову Кагыра. Я и мой мэтр Вильгефорц...

– Смилуйся, Риенс, – приснул Ваттье. – Измени-ка очередность.

– Как хочешь: Вильгефорц при моей помощи выдаст вам голову Кагыра, сына Кеаллаха. Мы знаем, где он находится, можем вытащить его, как рака из-под колоды, в любой момент.

– Эва, какие у вас, оказывается, возможности-то. Ну надо же! Уж такие у вас хорошие агенты в армии королевы Мэвы?

– Испытываешь? – скривился Риенс. – Или и впрямь не знаешь? Скорее всего – второе. Кагыр, дорогой мой виконт, находится... Мы знаем, где он находится, знаем, куда направляется, знаем, в какой компании. Тебе нужна его голова? Ты ее получишь.

– Голову, – ухмыльнулся Ваттье, – которая не может рассказать, что в действительности произошло на Танедде.

– Пожалуй, так оно будет лучше, – цинично проговорил Риенс. – Зачем давать Кагыру возможность говорить? В нашу задачу входит загладить, а не усугубить неприязнь между Вильгефорцем и императором. Мы провернем дельце так, что все будет выглядеть твоей, и исключительно твоей, за-

слугой. Доставка в течение ближайших трех недель.

Древний карпище в бассейне баламутил воду грудными плавниками. «Бестия, – подумал Ваттье, – должна быть чертовски мудрой. Только на что ему эта мудрость? Все время одна и та же тина, одни и те же кувшинки».

– Твоя цена, Риенс?

– Мелочишка. Где находится и что надумал Стефан Скеллен?

– Я сказал ему, что он хотел знать. – Ваттье де Ридо раскинулся на подушках, играя золотым локоном Картии ван Кантен. – Видишь ли, сладенькая моя, к некоторым вопросам следует подходить умно. А умно – значит конформистски. Если поступать иначе, не получишь ничего. Только протухшую воду и вонючий ил в бассейне. И что с того, что бассейн сооружен из мрамора и от него до дворца три шага? Разве я не прав, сладенькая моя?

Картия ван Кантен, ласково именуемая Кантареллой, не ответила. А Ваттье вовсе и не ожидал ответа. В свои восемнадцать лет девушка, мягко выражаясь, на гения не тянула. Ее интересы – во всяком случае, сейчас – ограничивались любовными играми и – во всяком случае, сейчас – с Ваттье. В вопросах секса Кантарелла обладала прирожденным талантом, в котором сошлись пыл и техничность с артистизмом. Однако гораздо важнее было не это. Вовсе не это.

Кантарелла говорила мало и редко, но изумительно и

охотно слушала. При Кантарелле можно было выговориться, расслабиться и восстановить психическую кондицию.

– На моей службе человека ждут сплошные нарекания, – с горечью в голосе сказал Ваттье. – Потому что, видишь ли, я не отыскал какую-то там Цириллу! А того, что благодаря моим людям армия одерживает победу за победой, недостаточно? А того, что наш генеральный штаб в курсе малейшего движения врага, этого что, тоже мало? А того, что крепость, которую пришлось бы штурмовать неделями, императорским войскам открыли мои агенты, тоже мало? Так ведь нет, никто за это не похвалит. Важна только какая-то задрипанная Цирилла!

Гневно сопя, Ваттье де Ридо принял из рук Кантареллы фужер, наполненный знаменитым эст-эст из Туссента, вином урожая того года, который помнил еще времена, когда император Эмгыр вар Эмрейс был маленьким, не имевшим прав на престол и чудовищно обиженным пареньком, а Ваттье де Ридо – юным и малозначительным офицером разведки.

Это был прекрасный год. Для вин.

Ваттье потягивал вино, играл изумительными грудками Кантареллы и рассказывал. Кантарелла изумительно слушала и молчала.

– Стефан Скеллен, сладенькая моя, – мурлыкал шеф имперской разведки, – это комбинатор и заговорщик. Но я буду знать, что он комбинирует, еще до того, как туда доберется Риенс... У меня там уже есть человек. Очень близко к Скел-

лену... Очень близко.

Кантарелла развязала пояс, перехватывающий халат Ваттье, наклонилась, Ваттье почувствовал ее дыхание и задохнулся в предвкушении блаженства. «Талант, – подумал он. – Гений». А потом мягкое и горячее прикосновение губ изгнало у него из головы всяческие мысли.

Картия ван Кантен медленно, ловко и талантливо доставляла блаженство Ваттье де Ридо, шефу имперской разведки. Однако это был не единственный талант Картии. Но о другом таланте Картии Ваттье де Ридо понятия не имел.

Он не знал, что вопреки видимости Картия ван Кантен обладала идеальной памятью и живым, подвижным как ртуть интеллектом.

Все, о чем повествовал ей Ваттье, каждое сообщение, каждое слово, которое он при ней обронил, Картия назавтра же пересказывала Ассирэ вар Анагид.

Да, даю голову на отсечение, что в Нильфгаарде наверняка уже давным-давно все забыли о Кагыре, не исключая и невесты, ежели у него такая имелась.

Но об этом потом, а теперь отступим назад к дню и месту форсирования нами Яруги. Итак, ехали мы довольно быстро на восток, намереваясь добраться до района Черного Леса, который на Старшей Речи именуется Каэд Дху. Потому что именно там проживали друиды, способные выколдовать место пребывания Цири, а может быть, и из-

влекь указание на это место из странных сновидений, тревоживших Геральта. Ехали мы через леса Верхнего Заречья, которые еще называют Левобережьем, по дикой и практически безлюдной местности, расположенной между Яругой и лежащим у подножия гор Амелл районом, называемым Стоками, с востока ограниченным долиной Доль Ангра, а с запада болотистым приозерьем, название которого как-то выветрилось у меня из памяти.

На территорию эту никто никогда не зарился, а посему никогда и не было толком известно, кому она в натуре принадлежит и кому подчиняется. Кое-что на этот счет могли бы, думается, сказать аборигены Темериш, Соддена, Цинтры и Ривии, рассматривавшие с переменным успехом Левобережье как лен своей короны и временами пытавшиеся с таким же успехом доказать свою правоту огнем и мечом. А потом из-за гор Амелл накатились армии Нильфгаарда, и больше уже никто и ничего сказать не мог, в том числе и относительно лена и собственности на землю. Всё расположенное к югу от Яруги принадлежало Империи. К тому времени, когда я пишу эти слова, Империя захватила уже и многие земли к северу от Яруги. Ввиду отсутствия точной информации я не могу сказать, сколь многие и сколь далеко на север распространяющиеся.

Возвращаясь к Заречью. Позволь, любезный читатель, слегка отклониться от темы в пользу реминисценций, касающихся исторических процессов: история данной террито-

приш сплошь и рядом творилась и формировалась как бы случайно, как побочный продукт конфликтующих внешних сил. Историю любой страны избыточно часто творят пришлые обитатели. Поэтому пришлые-то бывают, как правило, причиной, последствия же их творчества всегда и неизменно обрушиваются на головы аборигенов.

Правило это распространяется на Заречье целиком и полностью.

У Заречья было свое население, коренные заречане, которых постоянные, тянущиеся годами раздоры и войны превратили в голодранцев и принудили к миграции. Деревни и села погорели, развалины дворов и превратившиеся в пустыри поля поглотила пуща. Торговля захирела, торговые обозы обходили запущенные дороги и тракты стороной. Немногочисленные оставшиеся заречане превратились в одичавших невежд. От росомах и медведей они отличались в основном тем, что носили штаны. По крайней мере некоторые. То есть некоторые носили, а некоторые отличались. Это был в массе своей народ неотзывчивый, простецкий и грубый.

И начисто лишенный чувства юмора.

Темноволосая дочь бортника откинула на спину мешающую ей косу и продолжала яростно и энергично крутить жернова. Все усилия Лютика кончались ничем – казалось, слова поэта вообще не доходят до адресата. Лютик подмигнул остальной компании, прикинулся, будто вздыхает, воз-

вел очи горе, но не отступил.

– Да, – повторил он, скаля зубы. – Давай я покручу, а ты сбегай в подполье за пивом. Должна же где-то тут быть потайная ямка, а в ямке бочонок. Я прав или не прав, красotka?

– Оставьте вы девушку в спокойе, господин хороший, – раздраженно сказала жена бортника, возившаяся у печи высокая худощавая женщина поразительной красоты. – Сказала ж я вам, нету у нас никакого пива.

– Уж дважды шесть раз было сказано, милсдарь, – поддержал жену бортник, прерывая беседу с ведьмаком и вампиром. – Наделаем вам налесников – блинчиков с творогом и медом, тады и поедите. В наперед пусть деваха в спокойствии зерна на муку намелет, потому как без муки и сам чародей блина не испекет! Не трожьте ее, пусть трет в спокойе.

– Ты слышал, Лютик? – крикнул ведьмак. – Отцепись от девушки и займись чем-нибудь полезным. Или «мимо арии» пиши!

– Пить я хочу. Выпил бы чего-нито перед едой. Есть у меня немного трав, сделаю себе навару. Эй, бабка, найдется у тебя в хате кипяток? Кипяток, спрашиваю, найдется?

Сидевшая на припечке мать бортника подняла голову от носка, который штопала.

– Кипяток-то? А найдется, голубок, как не найтись, – забормотала она. – Токмо остылый совсем.

Лютик вздохнул разочарованно и подсел к столу, где компания болтала с повстречавшимся на рассвете в лесу бортни-

ком. Бортник был невысок ростом, крепкий, черный и дьявольски заросший, поэтому неудивительно, что, неожиданно появившись из зарослей, он нагнал на всех страха – его приняли за ликантропа. Самое смешное, что первым, кто воскликнул «Оборотень, оборотень!», был вампир Регис. Возникло некоторое замешательство, но все быстро разъяснилось, а бортник, хоть на вид грубоватый, оказался вопреки сложившемуся о бортниках мнению хозяином гостеприимным и любезным. Компания без церемоний приняла приглашение в его «имение». Имение, которое на бортничьем жаргоне называлось станом, располагалось на очищенной от пней поляне, бортник жил там с матерью, женой и дочерью. Последние две были женщинами выдающейся, но немного странноватой красоты, явно говорившей о том, что среди их предков затесались дриада или гамадриада.

Во время завязавшейся беседы бортник вначале казался человеком, с которым говорить можно исключительно только о пчелах, бортях, окуливании, лезивах, дуплах, воске, меде и медосборе, но это была лишь видимость.

– В политике? А что в той политике-то? Что всегда. Дань требуют все более. Три крынки меду и полколоды воска. Едва дышу, чтобы поспеть. От зари до захода на лезиве сижу, борти подметаю... Кому дань-то плачу? А кто требует. Откедова мне знать, при ком ноне власть? Остатние времена, того-этого, в нильфовой речи орут. Навроде-ка таперича мы имперантная провенция аль как-то так. За мед, ежели чего

продаю, плотют императными деньгами, на которых ихний король набит. По обличью-то навроде бы, того-этого, пригожий, хучь суровый. Сразу видать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.